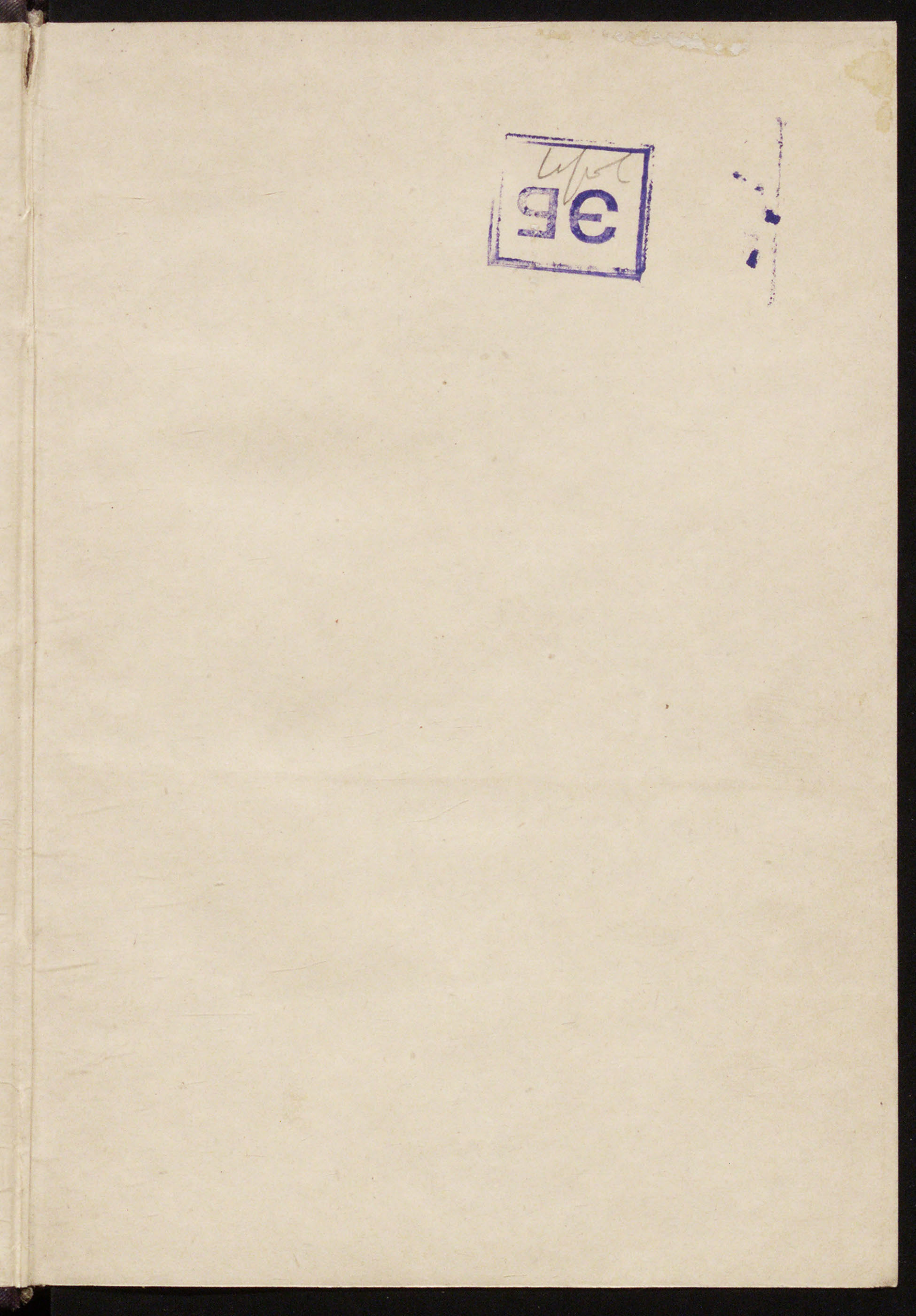
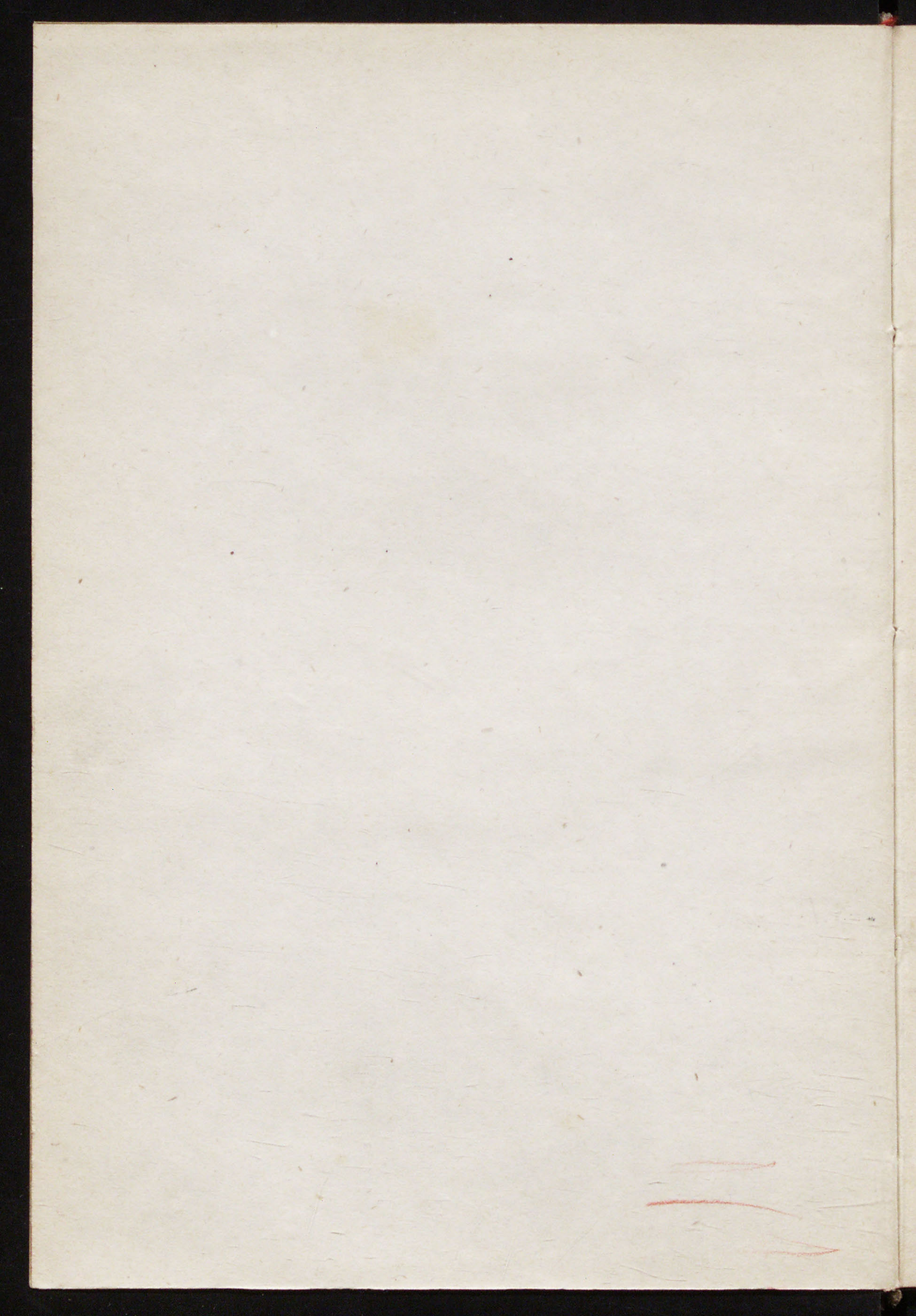
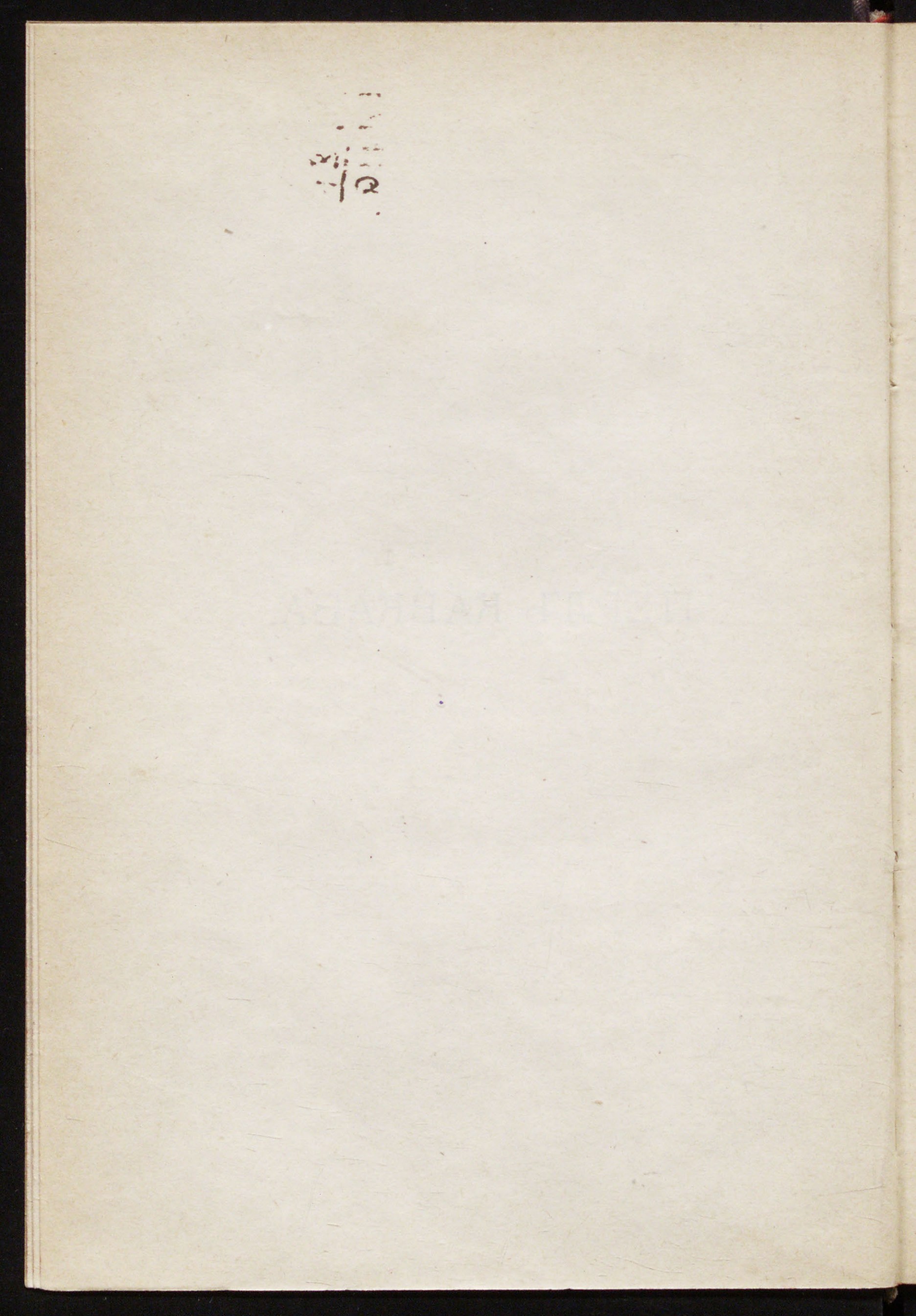
ПЕРЛЪ КАВКАЗА

ПЕРЛЪ КАВКАЗА.

Гр. Джаншіевъ.

ПЕРЛЪ КАВКАЗА.

(БОРЖОМЪ.—АБАСЪ-ТУМАНЪ.—ЗЕКАРЪ).

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И МЫСЛИ ТУРИСТА.

„Въ лѣсочкахъ прохладныхъ — столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно“.

Н. Щедринъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ГЕРБЕКЪ

ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКВА.
Типографія Елизаветы Гербекъ, Салтыковскій пер., д. Головкина.
1890 г.

Дозволено цензурою. Москва. 11 марта 1890 г.

Посвящается

Петру Адамовичу

Столповскому.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Въ настоящее изданіе вошло, сверхъ напечатаннаго въ двухъ предъидущихъ, еще описаніе Абасъ-Тумана и Зекарскаго перевала...

За симъ, согласно принятому обычаю, слѣдовало бы мнѣ поблагодарить „благосклонную публику“, за оказанное ею вниманіе и пр.

Вмѣсто общепринятыхъ условныхъ формулъ, позволю себѣ представить нѣсколько скромныхъ замѣчаній на ту же тему, которую я затронулъ въ предисловіи къ 1-му изданію и которая теперь сдѣлалась модною благодаря рѣчи, произнесенной 22 февраля 1890 г. молодымъ германскимъ императоромъ

„Вашъ президентъ, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ банденбуржцамъ, упомянулъ здѣсь о моихъ путешествіяхъ. Предпринимая ихъ, я руководствовался не только желаніемъ изучить чужія страны и чужіе государственные порядки, не только стремленіемъ поддержать дружественныя отношенія къ монархамъ сосѣднихъ государствъ: эти пу-

тешествія, подвергавшіяся самымъ ложнымъ толкованіямъ, имѣли для меня лично огромное значеніе. Вдали отъ борьбы партій и интересовъ дня я могъ спокойно анализировать и спокойно вдуматься въ положеніе нашей родины. Кто когда-нибудь сидѣлъ одиноко на палубѣ парохода, посреди океана, имѣлъ надъ собою звѣздное небо и бесѣдовалъ съ своей совѣстью, тотъ никогда не забудетъ такой поѣздки. Многимъ изъ моихъ соотечественниковъ я пожелалъ бы пережить такіе часы, когда человѣкъ можетъ себѣ отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ и своихъ стремленіяхъ. Въ подобныхъ случаяхъ можно излѣчиться отъ сомнѣнія, отъ преувеличенія собственнаго своего значенія, а этимъ всѣ мы грѣшны".

Любопытно, что незадолго до произнесенія этихъ знаменательныхъ словъ раздалось другое не менѣе авторитетное слово въ пользу путешествій — съ вершины не менѣе возвышенной, хотя и принадлежащей къ совершенно иной сферѣ вліянія и власти. Одинъ изъ крупнѣйшихъ мыслителей современной Англіи, знаменитый естествоиспытатель и антропологъ, Дж. Лёббокъ въ брошю-

ръ своей „Радости жизни“ (The pleasures of life), вышедшей въ концѣ прошлаго года *), въ ряду немногихъ радостей жизни, ея утѣхъ и украшеній, одно изъ первыхъ мѣстъ отводитъ путешествіямъ, дающимъ возможность знакомиться съ дивными красотами природы.

Не я буду возражать противъ приведенныхъ панегириковъ о пользѣ и удовольствіяхъ доставляемыхъ путешествіями. Но, извѣстно, и это обстоятельство, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія Лёббока, что въ настоящее время путешествія, увы! роскошь—доступная лишь немногимъ.

Нельзя ли однако въ ожиданіи времени, когда экономическій и иной прогрессъ сдѣлаетъ доступною эту рѣдкую, но дорогую „радость жизни“, придумать суррогатъ его? Можетъ-быть, я грубо заблуждаюсь, но думаю, что такой суррогатъ существуетъ и онъ крайне доступенъ. Онъ вполнѣ въ нашихъ рукахъ.

Я не отрицаю, что наблюденіе звѣзднаго неба среди открытаго океана или созерцаніе

*) Эта въ высшей интересная брошюра печатается въ видѣ приложенія къ Пантеону Литературы 1890 г.

грандіозной панорамы и живой рельефной картины кавказскаго хребта, открывающейся съ вершины Цхра-Цхаро (см. ниже главу IV) производятъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Но если взглянуть хорошенько въ смыслъ его, легко убѣдиться, что если не столь интенсивныя, то однородныя впечатлѣнія можно получить и въ другихъ мѣстахъ, болѣе или менѣе всѣмъ доступныхъ.

Въ чемъ же суть и главная привлекательная сторона этихъ впечатлѣній? Въ томъ что подъ дѣйствіемъ ихъ духовный міръ человѣка какъ-то укрѣпляется, проясняется, какъ-бы окрыляется, совлекая съ себя, увы! только временно, бремя и накипь вседневной пошлости, мелочности, эгоизма и самообожанія.

Доведенная до чудовищныхъ размѣровъ условіями текущей жизни забота о себѣ и своихъ совершенно нарушаетъ равновѣсіе, которое должно существовать между индивидомъ, микрокозмомъ, какъ выражались въ старину, и цѣлымъ-макрокозмомъ. Вѣдь не одинъ только великій Юлій Цезарь, въ безмѣрномъ тщеславіи своемъ, серьезно думалъ,

что „безсмертные выбиваются изъ силъ, чтобы потопить его утлую ладью“, но и всякій смертный, болѣе или менѣе думаетъ, какъ удостовѣряетъ Монтенъ *), *что чуть не вся вселенная денно и нощно блюдетъ за теченіемъ самомалѣйшихъ мелочей его жизни. Слабость эта очень стараго происхожденія. Ее отмѣтилъ почти 2000 лѣтъ тому назадъ еще философъ Сенека: tot circa unum caput tumultuantes deos* **). *Объ этой же слабости упоминаетъ современный нашъ философъ Вл. С. Соловьевъ. Общая душевная болѣзнь нашего времени говоритъ нашъ философъ-публицистъ въ послѣдней книгѣ „Вѣстника Европы, состоитъ въ утвержденіи своего „я“ какъ чего-то абсолютнаго, въ полномъ невниманіи къ реальной и нравственной связи дѣлающей это я частицею великаго цѣлаго* ***).

Для того чтобы излѣчиться отъ такой болѣзни, находящей пищу въ искусственныхъ рамкахъ скученной городской жизни, достаточно хоть время отъ времени выби-

*) Essais II, 1—2.

**) Guasor, I, 4.

***) В. Евр., 1820 № 3, стр. 441.

раться вонъ изъ города, съ его засасывающими текущими интересами дня, на лоно природы. Для этого не нужно ни грандіознаго великолѣпія горъ, ни таинственнаго величія океана.

Достаточно взглянуть—ну, хоть на заходящее или восходящее солнце, на теченіе широкой рѣки; достаточно прислушаться къ журчанью ручья, шуму лѣса—чтобы почувствовать приливъ здороваго отрезвленія, беззаботности и бодрости чтобы всѣ преувеличенныя хлопоты и заботы о своемъ личномъ „я“ о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, всѣ волненія на счетъ свѣтскихъ и иныхъ qu'en dira-t-on разсѣялись какъ дымъ; чтобы раздутые до нельзя страхи на счетъ настоящаго и будущаго и прочія порожденія трусости или эгоизма исчезли и уступили мѣсто болѣе спокойному отношенію къ жизни и болѣе трезвому опредѣленію отношеній къ ней и положенію свое въ природѣ... Замѣчательно, что такому чарующему дѣйствію природы способны отдаться даже люди весьма близкіе къ ней и подобно Щедринскому Пимену находить, что „въ лѣсочкахъ прохладныихъ—столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно“.

Что же касается эстетической стороны, впечатлѣній природы, то для всякой нормально развитой личности почти любая мѣстность можетъ служить, до извѣстной степени, источникомъ эстетическихъ наслажденій.

На что ужъ бѣдна и угрюма сѣверная природа, а сколько „радостей“ она вамъ дастъ, если только вы бросите на время городъ! Вотъ самая заурядная картина, открывающаяся въ настоящую минуту предо мною. Сѣрое небо чуть замѣтно окрашено на западѣ бѣлесоватымъ отблескомъ. Впереди неглубокое ущелье покрытое пожелтѣвшимъ снѣгомъ и молодымъ лѣскомъ съ слегка зарумянеными верхушками. Вѣтеръ гудитъ, заглушая крики идущей на ночлегъ птицы... Вы скажете, все это блѣдно и бѣдно сравнительно съ благословенными мѣстами средиземной Ривьеры, гдѣ теперь все цвѣтетъ и гдѣ яркое свѣтило ласково пригрѣваетъ своихъ баловней! Правда. А всетаки сколько спокойной простоты, скромной торжественности и успокаивающей гармоніи найдеше въ этой простой заурядной картинѣ тихо угасающаго сельскаго вечера, когда

сопоставите ее съ грязными улицами города съ его чернымъ снѣгомъ, съ его зловоніемъ, съ его безпорядочнымъ шумомъ и гамомъ, съ его массою всевозможныхъ „важныхъ мелочей и хитроумныхъ дрязгъ", съ его прѣсными злобами дня и тихо ползущими интресами минуты...

И развѣ не правъ нашъ симпатичный поэтъ, Жемчужниковъ говоря:

Уединеніе въ деревнѣ мнѣ отрада,
Хотѣлъ-бы, чтобъ сюда заглохли всѣ пути.
Свободы тишины, безмолвія мнѣ надо
Отъ современности подальше-бы уйти...
А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами,
Со мной, пока живу, немолчно говори.

Нѣтъ, что ни говорите, а незамѣнимы ласки и объятія матери—природы, и нѣтъ красоты выше ея красоты!..

Какой же изъ всего сказаннаго я сдѣлаю выводъ? Тотъ, который изъ него не вполнѣ вытекаетъ. Но высказать его я рѣшаюсь, потому что въ немъ заключается задушевная мысль, никогда не покидавшая меня во время моихъ странствованій? Но предварительно еще два, но уже два послѣднихъ, слова.

Чего, чего только не придумывали и не придумываютъ для того чтобы развлечь и утѣшить современное скучающее и страждущее человѣчество. Начиная отъ приглашенія бросить науки и искусство, какъ порожденіе частью ветхозавѣтнаго дъявола, частью новѣйшей тлетворной культуры, и кончая новѣйшимъ горячимъ воззваніемъ къ самоуничтоженію, въ виду неизбѣжности конца міра,—все перепробовано...

Какая, послѣ этого, нужна самонадѣянная дерзость, чтобы рѣшиться даже заикнуться на эту заѣзженную тему, которая оказывалась не подъ силу и колоссамъ слова, если не всегда мысли?!

Однакожъ не слѣдуетъ забывать, что на ряду съ великими архитекторами мысли и простые каменьщики могутъ и должны нести свою работу.

Исходя изъ этого положенія, я и рѣшаюсь высказать свою мысль или, если угодно, догадку—парадоксъ.

Бытъ можетъ, я совершенно заблуждаюсь, но я глубоко вѣрю и вполнѣ убѣжденъ, что распространеніе въ массахъ любви къ природѣ, умѣнія наблюдать ее, понимать и

цѣнить ея дивныя красоты — наравнѣ съ столь могуче проявившимся, въ послѣдніе два десятилѣтія, среди англо-американскаго общества обоихъ полушарій, стремленіемъ — открыть желанный доступъ къ высшимъ въ мірѣ наслажденіямъ, даруемымъ наукою и искусствомъ, должны служить вѣрнѣйшими двигателями прогресса и „ослабленія антагонизма между богатыми и бѣдными“ *)

Про эти неисчерпаемые источники чистѣйшихъ и высшихъ наслажденій можно сказать то же самое, что сказала одна женщина, впервые увидавши необъятный просторъ моря: „этого добра на всѣхъ хватитъ“...

Гр. Д—въ.

Грибаново-Поле
(Петрово тожъ).
4-го Марта 1890 г.

---

*) См. лекцію проф. Янжула „Новѣйшее общественное движеніе въ соединеныхъ штатахъ и въ Англіи для распространенія высшаго образованія въ народѣ“, и въ „Руск. Вѣд“ № 56 1890 г., а также статью его „Практическая филантропія въ Англіи“ въ №№ 1 и 3 „Вѣст. Евр.“ за 1890 г.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Природа-мать! къ тебѣ иду
Съ своей глубокою тоскою,
Къ тебѣ усталой головою
На лоно съ плачемъ припаду.
Твоихъ лѣсовъ немолчный шумъ
И нивъ златистыхъ колыханье,
Лазурь небесъ и водъ журчанье
Разгонятъ мракъ гнетущихъ думъ.

А. Плещеевъ.

Ренанъ, послѣ созерцанія аѳинскаго акрополя, сложилъ необыкновенно прочувствованный гимнъ—акафистъ въ честь его неувядаемой красоты. Tard je t'ai connue, beauté parfaite! *съ грустью замѣчаетъ знаменитый мыслитель.*

По какой-то необъяснимой ассоціаціи идей, именно эти слова Ренана пришли мнѣ на умъ,. когда я въ нѣмомъ восторгѣ стоялъ предъ восхитительною картиною неописанной красоты, открывшейся съ Цхра-Цхаро и Ломисъ-мта.

II

Да, я поздно посѣтилъ эти прелестныя мѣста, даже вдвойнѣ поздно. Волею случая я былъ съ дѣтства заброшенъ изъ „пламенной Колхиды“, если не къ „финскимъ хладнымъ скаламъ“, то къ отрогамъ все-таки довольно холодной Алаунской возвышенности.

Но выросши среди горъ, я чувствовалъ къ нимъ неодолимое тяготѣніе, какое-то инстинктивное влеченіе, безсознательную страсть. Только временами я былъ въ состояніи удовлетворить ее во время мимолетныхъ переѣздовъ черезъ Военно-Грузинскую дорогу.

Природа-мать! къ тебѣ иду...

повторялъ я стихъ Плещеева. А самъ, благодаря разнымъ дѣламъ и пустякамъ, ни съ мѣста. И только, осенью 1884 года въ Боржомѣ, я имѣлъ возможность довольно продолжительно любоваться его прелестными горами. Затѣмъ и лѣто 1885 г. я провелъ въ Боржомѣ, посѣщая пѣшкомъ и въ фаэтонѣ ближайшія окрестности.

Слышалъ я кое-что и о дальнихъ прелестяхъ его, но самые смѣлые піонеры изъ дачниковъ не проникали далѣе Тимотисубани или Зеленаго монастыря. Говорили о

Табацхурскомъ озерѣ, но объ немъ и дорогахъ, ведущихъ къ нему, у всѣхъ существовало такое смутное представленіе, точно рѣчь шла о Килиманджаро или Ніаси. Еслибы не счастливый случай, сведшій меня къ концу сезона съ управляющимъ Боржомскимъ имѣніемъ, Я. К. Васильевымъ, то лучшія красоты Боржома такъ бы и оставались для меня недоступною тайною, какъ для всѣхъ почти посѣтителей его. Какъ истый студентъ стараго времени (г. Васильевъ принадлежитъ къ первому выпуску Петровской Академіи) онъ принялъ меня съ полнымъ вниманіемъ и радушіемъ и далъ съ чрезвычайною предупредительностью проводниковъ, маршрутъ и приказъ къ своимъ подчиненнымъ. Приношу ему за это искреннюю благодарность.

Но было бы несправедливо этимъ и ограничиваться, было бы дико хранить подъ спудомъ все, мною видѣнное. Чѣмъ же инымъ могу возблагодарить эти чудныя мѣста, доставившія мнѣ столько высокихъ наслажденій, какъ не открывши путь къ этимъ святилищамъ красоты чистой и возвышающей.

IV

И такъ за мною, читатель. Если мнѣ удастся передать тебѣ хоть небольшую крупицу своихъ ощущеній, представить тебѣ хоть слабый контуръ Боржомскихъ красотъ, то приговоръ твой не будетъ суровъ. Если же эти строки дадутъ тебѣ импульсъ ознакомиться съ ними во-очію, то благодарность твоя обезпечена.

Боржомъ.
29 Августа 1885 г.

БОРЖОМЪ

(1884 г.)

Глава первая.

Первое знакомство съ Боржомомъ.

I.

Первое мое знакомство съ „перломъ Кавказа“ относится къ осени 1884 г. Проведя подъ Москвою одно изъ тѣхъ прекрасныхъ лѣтъ, которыя Пушкинъ мѣтко назвалъ „каррикатурою южныхъ зимъ“, я неожиданно для самого себя получилъ болѣе, чѣмъ приличное вознагражденіе за перенесенныя лѣтомъ невзгоды. На осень я попалъ въ Боржомъ, этотъ „перлъ Кавказа“.

Литературная честность обязываетъ меня заявить, что эпитетъ этотъ принадлежитъ не мнѣ, а лицу, несравненно болѣе меня компетентному въ оцѣнкѣ красотъ Кавказа. Лицо это не кто иное, какъ сама знаменитая грузинская царица Тамара.

Но знаете ли вы, кто такая Тамара, эта полумиѳическая, полуисторическая личность, если не созданная, то взлелѣянная эпическимъ творчествомъ грузинской народной фантазіи? Это — пахучій и опьяняющій букетъ женскихъ пороковъ и добродѣтелей, это—олицетвореніе великихъ свойствъ женской натуры, какъ ее понимаетъ кавказецъ, т. е. прихотливое сочетаніе неустанной кипучей дѣятельности и всепожирающихъ страстей. Тамара—это въ одно и то же время грузинская Семирамида и грузинская Клеопатра изъ „Египетскихъ ночей“. Кто изъ бывшихъ на Кавказѣ не знаетъ того таинственнаго „замка Тамары“ въ Дарьяльскомъ ущельѣ, который капризная народная фантазія, пренебрегающая условіями времени и пространства, избрала сценою для кипучихъ страстей своей героини.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ, коварна и зла...

И тамъ сквозь туманъ полуночи
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.
И слышался голосъ Тамары.
Онъ весь былъ желанье и страсть.
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

. . . .

И страстные дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ,
Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную...

. . . .

Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарилися тамъ...
И съ плачемъ безгласныя тѣни
Спѣшила волна унести... и т. д.

Вотъ одна Тамара!

Но на ряду съ этою легендарною Тамарою существуетъ историческая личность царицы Тамары, царствованіе которой относится къ XII — XIII вѣкамъ. Вотъ на авторитетъ этой царицы я и сослался выше. Она называла Боржомъ или, вѣрнѣе, Боржомское ущелье съ его

окрестностями лучшимъ „перломъ своей короны“. Ну, и постаралась же эта дѣятельная царица отдѣлать какъ можно богаче этотъ перлъ. Увѣряютъ, что въ окрестностяхъ Боржома насчитываются болѣе 200 архитектурныхъ памятниковъ временъ Тамары (Avis для нашихъ археологовъ!) Говорятъ, здѣсь можно найти слѣды пребыванія Римлянъ. Если даже принять во вниманіе, что всякое мало-мальски порядочное зданіе приписывается Тамарѣ (точь въ точь, какъ въ Россіи, mutatis mutandis, Растрелли) и на этомъ основаніи скинуть хоть добрую половину, то все же въ остаткѣ получится изрядное количество памятниковъ временъ Тамары. Самый замѣчательный между ними безспорно знаменитая Вардзіа, которая въ качествѣ архитектурнаго tour de force можетъ быть поставлена на ряду съ пещерными сооруженіями миѳическихъ троглотидовъ или высѣченными въ скалахъ пагодами индусовъ. Вардзіа—это высѣченный въ скалѣ дворецъ (Вардзіа въ переводѣ означаетъ—замокъ розъ), состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ комнатъ. До настоящаго времени сохранился великолѣпный храмъ, тоже высѣченный въ скалѣ. На одной изъ стѣнъ

изображена сама Тамара (копія съ нея имѣется въ вестибюлѣ тифлисскаго музея).

Если принять во вниманіе, что эти интересные памятники окружены восхитительными природными красотами, то можно подумать, что эти прекрасныя мѣста изъѣзжены и обойдены массою туристовъ, въ родѣ береговъ Рейна и горъ Швейцаріи. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Многіе ли у насъ знаютъ о существованіи Боржома, не говоря ужь о его живописныхъ горахъ, лѣсахъ, ущельяхъ и водахъ? И въ то время, какъ и старъ и младъ, и нуждающійся въ морскомъ купаньи, и ненуждающійся въ немъ лѣзутъ, безъ разбора и безъ удержу спѣшатъ въ пресловутую Ялту и другіе модные курорты въ очаровательный Боржомъ никто изъ Россіи и не заглядываетъ, даже на короткое время или проѣздомъ.

Удивительное существо этотъ homo sapiens! Не только по отношенію къ себѣ подобнымъ, но и относительно неодушевленныхъ природы онъ какъ то умудряется проявлять свою несправедливость, односторонность. Кавказъ имѣетъ цѣлую литературу. Начиная отъ Пушкина и Лермонтова и кончая Марлин-

скимъ, Евг. Марковымъ и tutti quanti, Кавказъ былъ у насъ описанъ на всѣ лады и въ стихахъ, и въ прозѣ. Звучный и прелестный стихъ лучшихъ поэтовъ Россіи давно уже сдѣлалъ популярными для всей грамотной Россіи и „косматую гриву“ Терека и „плачъ“ его, „подобный бурѣ“ и „излучистый Дарьялъ“ и „сторожевыхъ великановъ“ его, и „долину Грузіи счастливой“ и пр. и пр. Но если бы разобрать все, что написано нашими поэтами и прозаиками о Кавказѣ, то мы не переступили-бы границъ Военно-Грузинской дороги. Дорога отъ Владикавказа до Тифлиса, точнѣе отъ Ларса до Ананура — вотъ излюбленная классическая, можно сказать, заѣзженная тема для нашихъ описателей Кавказа. Что и говорить — тема богатая! Не я буду противъ этого протестовать. Но, когда я вижу, что на долю долины Терека и въ ущербъ старшей сестрѣ ея долинѣ Куры, выпало несоразмѣрное вниманіе, я долженъ отмѣтить фактъ несправедливости.

II

У станціи Михайловки Поти-тифлисской желѣзной дороги, гдѣ кончается желѣзнодорож-

ное сообщеніе, начинается превосходная шоссейная дорога въ знаменитое Боржомское ущелье.

Но прежде чѣмъ войдемъ въ него, сдѣлаемъ небольшую экскурсію въ область филологіи. Боржомское ущелье есть вольный или, еще лучше, произвольный переводъ грузинскаго названія „Мткврисъ-Хеоба", что̀ собственно означаетъ ущелье „Рѣки", т. е. Куры. Вы не подумайте, что слово „Рѣка", вслѣдствіе опечатки набрано большою буквою. Ничуть. Слово „Рѣка" (мтквари) по-грузински имя нарицательное и вмѣстѣ съ тѣмъ собственное; нарицательное — потому, что означаетъ вообще рѣку, а собственное въ виду того, что оно примѣняется только къ са̀мой большой грузинской рѣкѣ, а именно къ Курѣ. То же повторяется и на словѣ „калаки", т. е. городъ. Когда грузинъ говорятъ о „городѣ", то e o i p s o подразумѣваетъ городъ Тифлисъ, подобно тому какъ гордый римлянинъ подъ словомъ „городъ" (u r b s) понималъ только свой родной городъ міродержавный Римъ.

Теперь выйдемъ изъ дебрей филологіи для того, чтобы вступить въ лоно восхитительнаго Боржомскаго ущелья или точнѣе Куринскаго

ущелья. Начинается оно на 6-й верстѣ отъ станціи Михайловки. Глухой ропотъ, слышный издали, даетъ вамъ чувствовать, что вы приближаетесь къ горной рѣкѣ, хотя и занимающей первое мѣсто между кавказскими рѣками. По всему пути слышенъ этотъ ропотъ. Но это не дикое, бѣшеное клокотанье Терека, который на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ представляетъ собою почти одинъ безпрерывный пѣнящійся потокъ-водопадъ. Это также—не сонное, безжизненное теченіе степныхъ рѣкъ, относительно которыхъ, большею частью, трудно сказать, въ какомъ направленіи онѣ текутъ. Кура въ этомъ отношеніи не заставитъ долго призадумываться!... Но, несмотря на быстроту теченія, Кура настолько здѣсь глубока, что почти круглый годъ сплавляются по ней гигантскія сосновыя бревна вплоть до Тифлиса.

Дорога идетъ все время лѣвымъ берегомъ Куры посреди обстановки, которая составляетъ полный контрастъ дикому Дарьяльскому ущелью. Тамъ вы видите голыя каменныя громады, предъ которыми человѣкъ чувствуетъ свое убогое ничтожество, такъ вѣрно подмѣченное Г. И. Успенскимъ. Здѣсь, напротивъ,

горы умѣренной высоты и сверху до низу покрыты пріятно ласкающею глазъ зеленою листвою. Прелестную картину представляетъ этотъ веселый зеленый горный ландшафтъ осенью, когда на свѣтло-зеленомъ полѣ разсыпаны пятнами желтые, палевые, ярко-красные и розовые листья замирающей на зиму растительности. Если испанскій поэтъ сравнивалъ поля Гренады съ златотканнымъ плащемъ, то простое, но изящное одѣяніе здѣшнихъ горъ можетъ быть уподоблено солидной красотѣ персидскихъ ковровъ.

Несмотря на кажущееся однообразіе, на каждомъ шагу вы встрѣчаете все новое и новое сочетаніе формъ, красокъ и освѣщенія. То выпуклый массивъ, словно грудь великана, стоитъ одиноко и преграждаетъ вамъ путь, то стройныя гряды, ровными ступеньками постепенно спускаются къ ущелью, образуя какъ бы колоссальный амфитеатръ. Не только описать, но даже и уловить всѣ разнообразныя причудливыя очертанія—нѣтъ возможности, и остается сказать вмѣстѣ съ дѣдушкою Крыловымъ:

Куда на выдумки природа торовата!

Не доѣзжая до мѣстечка, вѣрнѣе лѣтняго городка Боржома, верстъ 6, начинается лучшая часть Боржомскаго ущелья, составляющая собственность бывшаго Намѣстника Кавказскаго Великаго Князя Михаила Николаевича. На границѣ имѣнія поставленъ каменный столбъ, увѣнчанный тріединымъ государственнымъ гербомъ, на подобіе украшенія зерцала или башенъ московскаго Кремля. Отсюда дорога дѣлается еще живописнѣе, растительность, одѣвающая горы со всѣхъ сторонъ, богаче. Столѣтніе сосны, ели, дубы попадаются на каждомъ шагу.

Какъ разъ при въѣздѣ въ Боржомъ, недалеко отъ дворца, попадается многовѣковой колоссальный вязъ, который въ окружности имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, 5 аршинъ. Какъ жаль, что этотъ величавый патріархъ здѣшнихъ лѣсовъ не обладаетъ даромъ слова. Сколько интересныхъ эпизодовъ изъ феодальной и позднѣйшей исторіи онъ повѣдалъ бы намъ, сколько драгоцѣнныхъ чертъ людскаго коварства, корыстолюбія, беззавѣтной храбрости и безразсуднаго самодурства древняго и новаго времени передалъ бы онъ намъ.

Вотъ, напр., одинъ эпизодъ, сохранившійся

въ людской памяти. Какъ разъ противъ этого вяза вверхъ по теченію Куры, на правомъ и лѣвомъ берегахъ ея видпѣются развалины двухъ замковъ, Гогіасцихе и Патарацихе, принадлежавшихъ двумъ роднымъ братьямъ. Это были боржомскіе Монтекки и Капулетти. Но вражда, особенно между братьями, всегда считалась состояніемъ ненормальнымъ. Вотъ и вздумали братья примириться. Устроили пирушку. Изобильныя возліянія въ честь Вакха привели всѣхъ въ веселое настроеніе. Но иллюзія продолжалась недолго. Одно неосторожно брошенное или, можетъ быть, только послышавшееся слово, — и только что обнимавшіеся братья хватаются за кинжалы. Завязывается битва. На мѣстѣ полегло 60 человѣкъ... И немало такихъ видовъ видалъ этотъ величественный вязъ.

Подъ сѣнью его не будетъ неумѣстно передать нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о Боржомѣ. Впрочемъ не пугайтесь! Я не начну ab ovo, „откуда есть пошла Боржомская земля“. Не коснусь „судебъ“ ея, когда она входила въ составъ территоріи Великой Арменіи, тѣмъ болѣе, что онѣ никому не извѣстны, не исключая и ученаго географа царе-

вича Вахушта *). Не стану также входить въ разборъ того, дѣйствительно ли первымъ лѣснымъ „порубщикомъ“ былъ не кто иной, какъ самъ Помпей Великій (какъ увѣряютъ археологи), благо съ тѣхъ поръ прошло почти 200 земскихъ давностей, и нѣтъ повода для возбужденія законнаго преслѣдованія. Ограничусь двумя-тремя, думается мнѣ, не безъинтересными фактами со времени завоеванія русскими этой области. Боржомское ущелье, тотчасъ послѣ завоеванія его въ 1828 г., обращало на себя вниманіе высшей кавказской администраціи, во-первыхъ, своими минеральными водами, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, а во вторыхъ, своимъ несмѣтнымъ лѣснымъ богатствомъ.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о здѣшнемъ лѣсномъ богатствѣ, достаточно сказать, что въ одномъ только имѣніи Великаго Князя насчитывается подъ лѣснымъ пространствомъ 52,331 десятина, въ томъ числѣ подъ насажденіями съ господствомъ хвойныхъ породъ 27,858 дес. (изъ нихъ сосны 12,693 десятины). И что за лѣсъ? Попадаются экземпляры,

*) См. Д-ръ Іаннисіани—Боржомъ и его минеральные источники. Тифлисъ. 1878 г., стр. 7.

которые появились на свѣтъ раньше Колумба. Есть такіе, которые были свидѣтелями паденія Константинополя. Встрѣчаются ели и пихты 450 лѣтъ, продолжающія, однако, еще рости, причемъ годовой ростъ въ этомъ почтенномъ возрастѣ достигаетъ до $^1/_4$ фута, и дерево не теряетъ еще способности производить сѣмена. Такія ели достигаютъ высоты 185 футовъ, а въ толщину до 60 дюймовъ въ діаметрѣ на высотѣ груди человѣка. Объемъ подобнаго дерева доходитъ до 4-хъ кубическихъ саженъ *). Удобный сплавъ въ теченіе круглаго года и вѣрный сбытъ въ Тифлисъ обезпеченъ. За дерево на корню арендаторы платятъ 3 руб. съ копѣйками (лѣтъ 40 тому назадъ платили всего 25 к. за дерево).

Эта богатая лѣсная дача (всего Боржомъ занимаетъ около 70.000 десятинъ, изъ коихъ подъ лѣсною дачею 50.000) принадлежало роду князей Аваловыхъ. Частью благодаря многочисленнымъ тяжбамъ между ними, частью въ виду большаго значенія для края лѣснаго богатства Боржома, казна выкупила его у первоначальныхъ владѣльцевъ. Отчаявшись въ

*) См. Статистическое описаніе Боржомскаго имѣнія. Тифлисъ 1879 г., стр. 3 и 31.

исходѣ дѣла, которое кн. Аваловы вели въ продолженіи многихъ лѣтъ въ старыхъ департаментахъ Сената, они пошли на мировую сдѣлку, которую предложилъ имъ кн. Воронцовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ сошлись на 5,000 р. годовой ренты или пенсіи, которую, кажется, и до сихъ поръ получаютъ потомки Аваловыхъ. Около 20-ти лѣтъ это имѣніе принадлежало казнѣ, а въ 1871 году Высочайше пожаловано тогдашнему намѣстнику Великому Князю Михаилу Николаевичу.

III

Дачный городокъ Боржомъ расположенъ, при впаденіи рѣчки Боржомки въ Куру, на высотѣ 2,600 футовъ. Недалеко отъ почтовой станціи (кстати отъ станц. Михайловки круглый годъ можно имѣть почтовую коляску и четверку лошадей, цѣною 4 р. 86 к.) переброшенъ черезъ Куру легкій желѣзный мостъ, за которымъ тутъ же и начинается боржомскій базаръ. Дачи частью деревянныя, частью каменныя (но каменныя въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ, т. е. построенныя на каменныхъ глыбахъ, а не на кирпичѣ) расположены по скату горъ, обращенныхъ лицомъ къ Курѣ. Но лучшія, самыя элегантныя дачи находятся вдоль по теченію притока Куры, Боржомки, и носятъ разныя поэтическія наименованія въ родѣ mon bijou, belle vue и пр.

Всѣ дачи отдаются съ мебелью, нѣкоторыя меблированы даже съ роскошью. Большинство дачъ имѣютъ печи. Хорошую дачу можно имѣть рублей за 400. Лѣтомъ здѣсь довольно жарко, но зато осенью,—самъ я убѣдился личнымъ опытомъ,—прелестно. Воздухъ восхитительный. Дышать этимъ легкимъ ароматич-

пымъ воздухомъ — истинное наслажденіе. Что касается температуры, то, на основаніи личнаго опыта, утверждаю, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ днемъ можно гулять въ чесучѣ, а ночью въ лѣтнемъ пальто. Несмотря на предупрежденіе о сырости, я не нашелъ и намека на сырость. Ночью трава, по крайней мѣрѣ въ возвышенныхъ частяхъ, была суха, какъ паркетъ...

Знаете ли вы боржомскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете боржомской ночи, — скажу, пародируя Гоголя. Чудная понарама, окружающая Боржомъ, въ лунную ночь получаетъ какую-то фантастическую окраску. Свѣтлымъ сіяніемъ кудрявыя сосны одѣлись. Медленно всплываетъ луна. Блѣдный ликъ ея скрытъ за горами, но полосы свѣта уже пробиваются сквозь щели сосенъ растущихъ на гребняхъ горъ. Смѣло и плавно поднимается мѣсяцъ, обливая фантастическимъ свѣтомъ причудливыя линіи горныхъ хребтовъ. Словно прозрачныя кружева играютъ вѣковыя сосны на гребняхъ горъ. Таинственную тишину прерываетъ только быстро несущаяся волна Боржомки, плескъ величаваго теченія Куры и томный шопотъ стройнаго красавца, пирамидальнаго тополя.

Вдали, точно звѣзды, мелькаютъ на вершинахъ горъ костры пастуховъ, оберегающихъ себя и стада свои отъ непрошеннаго посѣщенія волковъ и медвѣдей...

Боржомъ представляетъ большія удобства особенно для тѣхъ, которые хотѣли бы съ пользою и удовольствіемъ провести осень. Сезонъ (водолѣчебный) закрывается 15-го сентября; вмѣстѣ съ нимъ закрываются и гостинницы. Но зато за безцѣнокъ можно нанять прекрасныя опустѣвшія дачи. Прислугу и провизію не трудно найти на мѣстѣ, если не быть слишкомъ взыскательнымъ.

IV.

Прогулокъ въ Боржомѣ безчисленное множество, одна лучше другой. Самому отчаянному ходоку и ѣздоку въ теченіе всего лѣта не пройти и не проѣхать верхомъ и половины лѣсныхъ тропинокъ. Большихъ парковъ четыре.

Начну съ самаго стараго и самаго популярнаго „Парка минеральныхъ водъ". Онъ начинается недалеко отъ мѣста впаденія Боржомки и идетъ вдоль по дну ущелья (вверхъ по ея теченію). Первыя три версты шоссированы, а

затѣмъ начинается дремучій лѣсъ, куда съ трудомъ проникаютъ лучи солнца. Впрочемъ, этотъ паркъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ представленіемъ о паркахъ, которое сложилось у видѣвшаго петербургскіе и московскіе парки. Заборы и рѣшетки здѣсь замѣняютъ отроги высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Самый паркъ змѣится, сообразно капризному теченію Боржомки, переходя съ одного берега на другой. Десять легкихъ и изящныхъ желѣзныхъ и деревянныхъ мостовъ переносятъ гуляющаго съ берега на берегъ. Есть мостикъ, построенный самою природою; быкомъ этому фантастическому мосту служитъ огромная скала, поваленная во время буйнаго половодья Боржомкою. По парку также разбросаны тамъ и сямъ, на мѣсто статуй и вазъ, скалы разнообразной формы и величины, выброшенныя все тою же шалуньею Боржомкою. Лучшимъ украшеніемъ парка служитъ эта самая рѣзвая шалунья, сильно напоминающая буйный Терекъ. Съ необыкновеннымъ весельемъ катитъ она свои прозрачныя волны по каменистому ложу среди живописныхъ береговъ. Въ паркѣ стоитъ ея веселый гулъ и летятъ брызги ея волнъ. Освѣжиться послѣ продолжительной

прогулки ея студеною и вкусною водою составляетъ истинное наслажденіе.

Названіе этого парка происходитъ отъ тѣхъ минеральныхъ (соляно-щелочныхъ) водъ, которыя извѣстны еще съ 30-хъ годовъ. Но воды эти вошли въ славу впервые съ 1842 г. во время управленія Кавказскимъ краемъ Головинымъ. Объ этомъ гласитъ и надпись на большой мраморной доскѣ, заброшенной нынѣ гдѣ-то въ глухой уголъ парка.

Оба источника, Екатерининскій и Евгеніевскій, выложены камнемъ и сверху покрыты навѣсомъ, подъ которымъ бурлитъ, пѣнится и бьетъ ключемъ цѣлебная вода. Второй источникъ названъ въ честь инженера генералъ-маіора Евгенія Эспехо, устроившаго оба источника.

Первое же названіе имѣетъ болѣе романтическое происхожденіе. Дѣло было такъ. Въ 1842 году въ Боржомѣ практиковалъ doyen d'âge кавказскихъ медиковъ (нынѣ уже покойный), д-ръ С. А. Амировъ. Ему пришлось удачно пользовать одну ахалцихскую армянку, страдавшую застарѣлою женскою болѣзнью. Какъ разъ этою болѣзнью страдала и дочь корпуснаго командира Головина, Екатерина

Немедленно привозятъ ее въ Боржомъ, строятъ бараки, которые и донынѣ сохранились, и молодой докторъ приступаетъ къ лѣченію. Результатъ оказывается блистательный. Молодая дѣвушка послѣ питья водъ совершенно выздоравливаетъ. Общему ликованію нѣтъ конца. Ружейные залпы оглашаютъ это радостное событіе, устраивается военный праздникъ, джигитовка, словомъ, выздоровленіе г-жи Головиной возводится чуть-ли не на степень событія государственной важности. Какъ характеренъ этотъ фактъ для времени, не очень отъ насъ далекаго! Съ этихъ поръ слава этихъ водъ была обезпечена, и послѣдующее время только возвышало эту славу *). Въ настоящее время около источниковъ выстроена красивая ротонда, ванны, домъ, въ которомъ помѣщается неизбѣжный на нашихъ курортахъ танцовальный залъ и библіотека, гимнастика и гигантскіе шаги.

Преемникъ Головина кн. С. М. Воронцовъ, извѣстный на Кавказѣ своею многообразною дѣятельностью, тоже любилъ Бор-

---

*) Нѣкоторыя подробности о топографіи, климатѣ и минеральныхъ водахъ Боржома, читатели найдутъ въ приложеніи.

жомъ. Именемъ Воронцова названъ другой паркъ, расположенный на коллоссальной каменной глыбѣ. Этотъ колоссъ омываютъ съ трехъ сторонъ Боржомка *), Кура и притокъ ея, Черная рѣчка. Паркъ расположенъ на самой вершинѣ этой скалы. Въ паркъ ведетъ очень порядочное шоссе, обвивающее его кругомъ. Подъемъ довольно крутой. Воронцовскій паркъ расположенъ футовъ на 500 выше только что описаннаго. Растительность хвойная, воздухъ легче, чѣмъ въ нижнемъ паркѣ. Отсюда открывается великолѣпная панорама на Боржомъ.

Въ Воронцовскомъ паркѣ я наткнулся на сцену, такъ мало идущую къ обычному представленію о паркахъ. Вмѣсто ротонды и толпы гуляющихъ, я нашелъ складъ бревенъ и сцену перевозки лѣса. Я разговорился съ возчиками-грузинами, и то, что мнѣ пришлось услышать, идетъ въ совершенный разрѣзъ съ довольно распространеннымъ воззрѣніемъ на грузинъ, какъ на кавказскихъ лаццарони. Оказалось,

---

*) Я употребляю общепринятыя названія, хотя они, какъ свидѣтельствуютъ кавказовѣды, не точны, а именно: т. н. Боржомку слѣдуетъ называть Черною Рѣчкою, а Черную Рѣчку—Гуджареткою.

что перевозка этихъ чудовищныхъ бревенъ продолжается цѣлый мѣсяцъ. Четыре буйвола съ трудомъ волочатъ ихъ съ горы на гору, при чемъ и провожатый долженъ съ напряжен нымъ вниманіемъ смотрѣть налѣво и направо и безпрестанно понукать и управлять этимъ сильнымъ, но лѣнивымъ животнымъ. Обыкновенно потъ льется градомъ съ проводника. Довезшіе бревна до Воронцовскаго парка отсюда скатываютъ ихъ по крутому боку парка на берегъ Куры.

Самый молодой паркъ — это ремертовскій. Онъ названъ такъ въ честь д-ра Ремерта, въ завѣдываніи коего находятся закавказскія минеральныя воды. Паркъ расположенъ на правомъ берегу Куры, напротивъ дворца Великаго Князя. Онъ распланированъ правильно и напоминаетъ обыкновенные русскіе парки, за исключеніемъ, конечно, его южной растительности. Попадаются вѣковыя орѣшины, каштаны, величественныя чинары, стройные, какъ коринѳская колонна, пирамидальные тополя и скромныя туи. Есть въ изобиліи и представители холодныхъ странъ: липа, береза, кленъ и дубъ. На видъ растительности можно дать лѣтъ 50, хотя нѣтъ и двадцати лѣтъ, какъ

разсажено большинство деревьевъ. Самое красивое мѣсто въ паркѣ—это живописный мысъ, образуемый при впаденіи Боржомки въ Куру. Въ самомъ паркѣ находятся очень красивые придворные дома, въ готическомъ стилѣ, одѣтые въ листву дикаго винограда.

Совершенно особнякомъ по ту сторону Куры нахидится паркъ и дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Паркъ не отличается естественными богатствами и много уступаетъ остальнымъ, но преимущество его въ томъ, что онъ расположенъ на склонѣ горы, съ котораго видѣнъ весь Боржомъ, какъ на ладони.

Гораздо интереснѣе парка двухъ-этажный деревянный дворецъ, построенный въ строго выдержанномъ мавританскомъ стилѣ. Стѣны украшены тончайшею рѣзьбою, напоминающею издали брюссельскія кружева. Обиліе балконовъ, галлерей, террасъ верандъ съ красивыми тонкими колоннами переносятъ васъ мыслями подъ своды Альгамбры. Впереди дворца совершенный контрастъ его представляетъ каменный бассейнъ грубой работы, обсаженный неизбѣжными арумами (arum odoratum). Съ боковъ и сзади дворецъ окруженъ простыми, но очень изящными галлереями и бесѣдками, со-

вершенно утопающими подъ алою листвою дикаго винограднике. Удивительно, какого роста и красоты достигаетъ здѣсь виноградная лоза. Есть одна замѣчательная круглая бесѣдка около дворца, построеннаго изъ простыхъ жердей, воткнутыхъ параллельно въ землю. Крышу образуютъ тоже жерди, лучами сходящіяся къ центру, опирающемуся на столбъ. Все это снаружи и внутри сверху до низу увито виноградникомъ. При заходящемъ солнцѣ все горитъ яркимъ яхонтомъ. Эффектъ поразительный!

Если упомянуть еще о красивой казармѣ стрѣлковаго баталіона, возвышающейся на подобіе средневѣковаго замка на правомъ берегу Куры, да о мраморномъ памятникѣ, сооруженномъ надъ братскою могилою стрѣлковъ, павшихъ въ послѣднюю войну, то всѣ боржомскія достопримѣчательности, доступныя поверхностному обзору, будутъ исчерпаны.

Скажу два слова о двухъ прогулкахъ совершенныхъ мною осенью по окрестностямъ Боржома. Первая прогулка была по Ахалцихской дорогѣ до пивовареннаго завода (какая проза?) Петерса. Дорога идетъ по лѣвому берегу Куры и окружена такими же живописными горами

покрытыми лѣсомъ, какъ и дорога въ Боржомъ, по деревянному мосту можно перейти на другой берегъ Куры, покрытый вѣковымъ сосновымъ боромъ. Земля усыпана толстымъ слоемъ сосноваго хвоя, такъ что нога ступаетъ точно по бархатному ковру. Воздухъ пропитанъ смолистыми испареніями. Мѣстность эта всего въ трехъ верстахъ отъ Боржома.

Другая прогулка была нѣсколько дальше, въ 15 верстахъ. Цѣль прогулки—мѣстечко Цагверо съ знаменитымъ желѣзнымъ источникомъ. Прекрасный фаэтонъ я нанялъ за 4 р. въ оба конца. Дорога идетъ по долинѣ Черной рѣчки. Весь путь—это безпрерывный роскошный паркъ. Небольшая горная рѣчка красивою лентою вьется у подножія дороги. Самый источникъ находится въ чащѣ густаго сосноваго бора. Къ нему ведетъ извилистая тропа, на которой, точно гигантскія куколки будущихъ бабочекъ, торчатъ корни сосенъ. Среди таинственнаго полумрака бьетъ ключемъ вода, шумно пѣнясь. Къ сожалѣнію, homo sapiens не содержитъ этотъ драгоцѣнный источникъ съ тою рачительностью, которую можно бы ожидать отъ его мудрости или, по крайней мѣрѣ, разсчетливости (бу-

тылка этой цѣнной влаги продается по 20 коп.) Подъ тѣнью сосенъ мы (насъ было четверо—въ томъ числѣ двѣ дамы) вздумали устроить, при дѣятельномъ сотрудничествѣ дамъ, банкетъ на чисто кавказскій манеръ, т. е. приготовить столь популярный и дѣйствительно незамѣнимый шашлыкъ. На мое замѣчаніе, что безъ угольевъ нельзя зажарить шашлыка, дамы колко отвѣтили, что я, живя долго въ Россіи, забылъ совсѣмъ кавказскіе нравы!... Моментально тутъ же въ лѣсу набрали хворосту, сучьевъ, и черезъ 10 минутъ готовъ былъ огонь. Тутъ же изъ сучьевъ сдѣлали вертелы, и черезъ 20 минутъ мы имѣли безподобное жаркое изъ баранины. Послѣ обычныхъ тостовъ, одинъ изъ ораторовъ, обращаясь къ окружающей дивной природѣ, сказалъ словами итальянскаго поэта: „О, если бы ты была такъ же благоустроена, какъ ты прекрасна!“. Прекрасное пожеланіе!

Глава вторая.

Боржомскій „сезонъ".

I.

Боржомъ не городъ, даже не посадъ. Зимою все населеніе его состоитъ чуть ли не изъ одного персонала управленія Боржомскимъ имѣніемъ. Но зато лѣтомъ онъ превращается въ цѣлый дачный городокъ съ обычною городамъ физіономіею,—съ музыкою, вечерами, картами и извощиками. Боржомъ—это центральный дачный пунктъ, куда съѣзжаются дачники и „водопійцы" не только изъ Тифлиса, но и изъ Кутаиса, Эривани, Александрополя и даже Баку. На Кавказѣ до сихъ поръ смотрятъ на дачу съ точки зрѣнія кочевника. Припечетъ солнце такъ что нельзя дышать, и тифлисскій буржуа къ концу іюня съ грустью покидаетъ свой пыльный, но незамѣнимый для него Ти-

флисъ, и переселяется въ горы. Спадетъ жаръ, и снова спѣшитъ онъ въ свою долину, къ своимъ тифлисскимъ пенатамъ, клубамъ. Вотъ почему дачный сезонъ здѣсь короче, чѣмъ даже подъ Москвою. Онъ длится мѣсяца полтора—два. Да и въ этотъ короткій промежутокъ времени рѣдко кто пользуется воздухомъ, а о дальнихъ поѣздкахъ никто и не мечтаетъ. А, между тѣмъ, Боржомъ въ этомъ отношеніи представляется неисчерпаемымъ кладомъ.

Самымъ любимымъ мѣстомъ для прогулокъ служитъ упомянутый выше паркъ минеральныхъ водъ. Причинъ на то много. Во-первыхъ, онъ примыкаетъ прямо къ дачамъ; во-вторыхъ, тамъ находятся минеральныя воды, ванны, купальня, гимнастика, кегли библіотека, танцовальный залъ; играетъ музыка, играютъ въ карты. Словомъ, здѣсь средоточіе „курса“. Этотъ паркъ расположенъ по теченію быстрой и многошумной рѣчки Боржомки. Легкіе, изящные мостики переносятъ гуляющаго нѣсколько разъ съ одного берега ея на другой. Ущелье это очень узко, свѣтъ проникаетъ только около полудня, по вечерамъ въ немъ довольно сыро. Оригинальную красоту этого парка образуютъ окаймляющія его почти от-

вѣсныя горы, мѣстами разступающіяся амфитеатромъ. Паркъ тянется на протяженіи болѣе трехъ верстъ вверхъ по теченію и заканчивается „Чортовымъ“ или точнѣе Горбатымъ мостомъ. Далѣе начинается лѣсная тропа, ведущая къ истокамъ Боржомки. Паркъ этотъ въ жаркіе лѣтніе дни даетъ незамѣнимое убѣжище. Тѣни и прохлады всегда въ немъ вдоволь. По обѣимъ сторонамъ парка поднимаются вверхъ на горы — тропы, не очень крутыя. Одна изъ нихъ, отъ лѣваго берега Боржомки, ведетъ на Торское шоссе, спускающееся незамѣтными террассами къ кокетливо играющей на солнцѣ армянской церкви.

Другая тропа или, лучше сказать, другой рядъ тропъ, влѣво отъ входа въ паркъ, ведетъ къ Воронцовскому парку и Садгерской плоской возвышенности. Всѣ онѣ довольно круты. Но одна изъ нихъ, начинающаяся у самыхъ минеральныхъ водъ, близь памятника Головину, довольно удобна для всхода. Есть на ней и скамейки. Тропа эта ведетъ ближайшею дорогою въ Воронцовскій паркъ.

II.

Удивительно оригиналенъ этотъ паркъ. Его образуетъ оконечность Садгерской возвышенности, омываемая Боржомкою, Курою и Гуджареткою (неправильно называемою Черною рѣчкою). Благодаря такому счастливому мѣстоположенію, Воронцовскій паркъ открываетъ безконечную панораму, растилающуюся на три стороны. Сначала вы любуетесь на Боржомъ изъ Елизаветина глаза (тамъ гдѣ кончается только-что упомянутая тропа). Я никогда не забуду своего перваго восхода по ней.

Это было 17-го іюня подъ вечеръ. Я бродилъ около минеральныхъ водъ. Вдругъ вижу тропу, таинственно уходящую въ даль. Я пошелъ по ней въ раздумьи. Въ это время музыка заиграла. Оркестръ, подъ аккомпанементъ гулкаго теченія Боржомки, игралъ очень популярное теперь на Кавказѣ „Баяти“ талантливаго кавказскаго композитора Корганова. Это попури изъ чисто кавказскихъ мелодій — грузинскихъ, армянскихъ, татарскихъ. Темы богаты, но мало разработаны. Оркестровка (капельмейстера корпуснаго хора, г. Машнера) превосходна. Особенно хорошъ фи-

налъ. Здѣсь вы слышите весьма удачное воспроизведенiе всѣхъ безъ исключенiя мѣстныхъ музыкальныхъ инструментовъ, начиная отъ sit venia verbo, димплипито (родъ барабанчиковъ) и кончая зурною и дудуки (родъ свирѣли). Всѣ они принимаютъ участiе въ исполненiи плясовыхъ: лезгинки, чечнури, подъ удары таши (хлопанье въ тактъ въ ладоши). Въ общемъ получается нѣчто такое бравурное, подмывающее, дико-завлекательное, что цыганская плясовая музыка съ гиканьемъ покажется степеннымъ мэнуетомъ. Словомъ, обилiе звуковъ но мало отдѣлки.

Подъ звуки этой своеобразной музыки я поднимался вверхъ по тропѣ, и думалось мнѣ —не есть ли эта музыкальная пьеса наглядное изображенiе состоянiя современнаго Кавказа, гдѣ такъ много естественныхъ богатствъ и такъ мало порядка, культуры. Попалъ я, наконецъ, въ такую чащу, что виденъ былъ только маленькiй кусочекъ неба. Небо казалось въ овчинку уже не въ переносномъ, а прямомъ смыслѣ слова. Кругомъ все покойно и величаво. Васъ охватываетъ непонятное торжественное настроенiе. Жутко среди такой нѣмой торжественности, когда твое личное я

словно растворяется въ суровыхъ объятіяхъ окружающей безмолвной природы. Невольно мысль углубляется въ себя, невольно мысль бродитъ около „проклятыхъ“ вопросовъ...

Какъ нарочно, въ унисонъ этому настроенію, въ это время снизу долетаютъ глубоко-потрясающіе звуки увертюры „Фауста“. Я почти наизусть знаю эту оперу, а я ее слушалъ, какъ совершенно новую: до такой степени она мнѣ показалась въ этой необычайной обстановкѣ торжественною и потрясающею. Когда подъемъ окончился, я подошелъ къ „Елизаветину глазу“, съ котораго открывается восхитительный видъ на минеральныя воды и нижній паркъ. Солнце бросало на него сквозь ели послѣдніе прощальные лучи. Угасающее свѣтило въ эту минуту было чудно-хорошо. Оркестръ, кстати, въ это время игралъ арію Фауста:

Da mi ancor,
Da mi ancor
Contemplar' il tuo viso!...

Дѣйствительно, хотѣлось еще и еще разъ взглянуть на свѣтлый ликъ бога-солнца!

Хватающею за душу молитвою закончилъ оркестръ. Все смолкло, замерли и послѣдніе

аккорды молитвы Маргариты, поднимая съ души самыя сокровенныя думы. Наступившая мгновенно (такъ обыкновенно бываетъ въ горахъ) ночь прервала мою импровизированную прогулку...

На другой день я поспѣшилъ на вновь открытое прелестное мѣсто другою дорогою, по шоссе, идущему отъ Боржомки, и снова любовался залитымъ палящими лучами южнаго солнца ущельемъ Боржомки изъ того же Елизаветина глаза. Отъ него я пошелъ вдоль окраины и предо мною раскрывались виды одинъ лучше другаго на дачи Боржомскія. Такимъ же образомъ обошелъ я и край Воронцовскаго парка, идущей вдоль рѣки Куры и любовался новыми видами на Боржомъ. Наконецъ, дошелъ до третьей стороны парка, выходящей на Черную рѣчку. Тутъ открылась длинная гряда горъ, покрытыхъ хвойными лѣсами, дер. Кубиси и крутой спускъ на Черную рѣчку, по которому скатываютъ бревна на Куру. По моему, это лучшій паркъ въ Боржомѣ и носитъ достойное названіе...

Когда вы будете, читатель, въ Тифлисѣ, сходите и поклонитесь памятнику Воронцова. Послѣ Тамары, съ именемъ Воронцова свя-

зана эпоха наибольшаго процвѣтанія Кавказа. Театръ, пресса, учебныя заведенія, городское благоустройство, улучшенное сельское хозяйство и пр., однимъ словомъ, все то, что сдѣлано на Кавказѣ для культуры края, сдѣлано или начато Воронцовымъ.

Въ Воронцовскомъ паркѣ всегда прохладно, сухо, о благовонныхъ испареніяхъ сосны и говорить нечего. Есть дорога для ѣзды, ходьбы. Есть и скамейки. Словомъ, зрѣніе ваше и обоняніе находятъ полное удовлетвореніе, а слухъ услаждаютъ шумно катящіяся волны Куры.

Это-ли не наслажденье, это-ли не счастье?

Но какъ на грѣхъ у меня была въ рукахъ „Этика“ Кавелина, и именно въ Воронцовскомъ паркѣ я прочелъ эти строки: „все кругомъ людей дѣлается, очевидно, для ихъ блага, все болѣе и болѣе направляется на удовлетвореніе ихъ нуждъ, потребностей, желаній. Отчего же самъ человѣкъ такъ нерадостенъ, такъ несчастливъ“? Только не въ Боржомѣ,— невольно вырвалось у меня. Въ самомъ дѣлѣ, только здѣсь понимаешь глубокій смыслъ стиха Плещеева, когда онъ говоритъ:

Природа-мать! къ тебѣ иду
Съ своей глубокою тоскою,
Къ тебѣ усталой головою

На лоно съ плачемъ припаду.
Твоихъ лѣсовъ немолчный шумъ
И нивъ златистыхъ колыханье,
Лазурь небесъ, и водъ журчанье
Разгонятъ мракъ гнетущихъ думъ.
Пусть говорятъ, что ты къ людской
Тоскѣ и скорби безучастна,
Что исцѣленія напрасно
Ждать отъ тебя душѣ больной.—
Нѣтъ, я не вѣрю! съ нами ты
Живешь одною жизнью полной,
Или зачѣмъ же ропщутъ волны
И грустно шепчутся листы?
Зачѣмъ же съ неба хоръ свѣтилъ
Землѣ такъ ласково сіяетъ,
И слезы чистыя роняетъ
Роса на свѣжій дернъ могилъ?
На все отвѣтъ въ тебѣ найдетъ
Тотъ, кто, съ любовью безконечной,
Къ тебѣ—и гнетъ тоски сердечной,
И радость свѣтлую несетъ.
О, не отринь, природа мать,
Борьбой измученнаго сына,
Чтобы хотя на мигъ единый
Сошла мнѣ въ душу благодать!
Чтобы съ себя я могъ стряхнуть
И лжи, и лѣности оковы,
И съ сердцемъ чистымъ, съ силой новой
Опять пуститься бодро въ путь.
Да окрылитъ духъ падшій мой
Восторгъ могучими крылами,
Да буду мыслью и дѣлами
Я вѣренъ истинѣ одной!..

III.

Въ Боржомѣ есть двѣ гостинницы: такъ называемая Кавалерская (принадлежитъ придворному вѣдомству) и Марсель, содержимая имеретиномъ. И та и другая оставляютъ желать относительно удобствъ очень многаго. Первая чище, но зато на половину сыра. Вторая находится на прекрасномъ, болѣе открытомъ мѣстѣ, но грязнѣе. Кормятъ сносно и довольно дешево (порц. 40 к.). Боржому недостаетъ соотвѣтственной ему гостинницы, учрежденіе коей, даже съ чисто коммерческой точки зрѣнія, представляется дѣломъ весьма соблазнительнымъ. Какъ мнѣ передавали, есть предположеніе въ придворномъ вѣдомствѣ построить комфортабельную гостинницу близь теперешней Кавалерской. Намѣреніе прекрасное, но едва ли выборъ мѣста удачный. Въ тѣснинахъ ущелья всегда бываетъ болѣе или менѣе сыро. Лучшее мѣсто это Ремертовскій или Воронцовскій паркъ.

Главный недостатокъ Боржома — отсутствіе хорошей воды *), но эта бѣда не столь боль-

*) И Боржомка, и Кура засоряются грязною водою, выпускаемою изъ ваннъ, и отбросами.

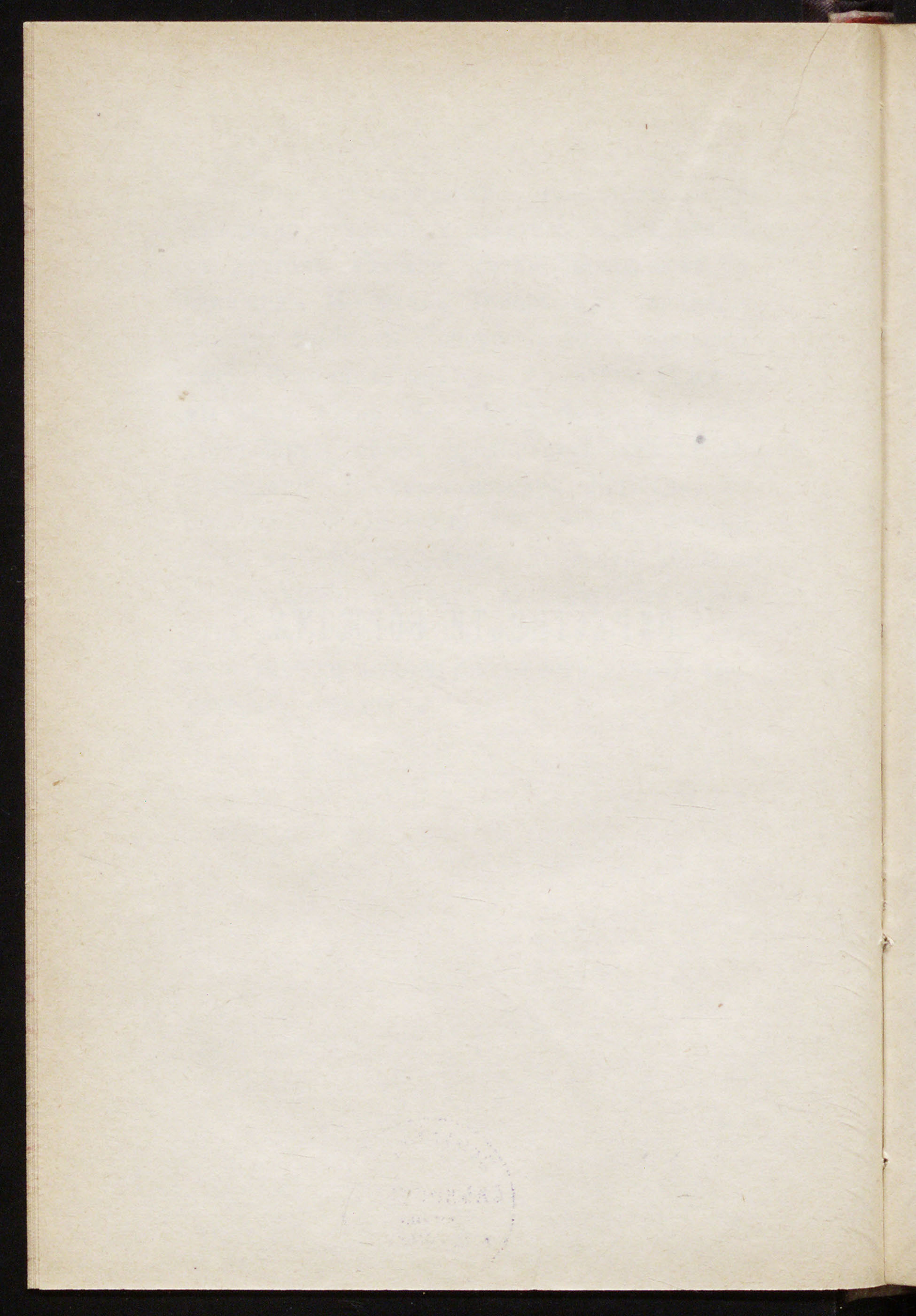
шой руки. Стоитъ только возстановить водопроводъ, оставшійся отъ временъ Тамары, ведущій прекрасную воду верстъ за 15 изъ Санисло. И всего-то на это потребуется, говорятъ, тысячи три. Но это дѣло будущаго, а теперь возвращаюсь къ настоящему.

Я стоялъ въ гостинницѣ Марсель. Здѣсь я завелъ два знакомства. Первое было съ гурійскимъ княземъ. Высокій, стройный, моложавый несмотря на свои сорокъ съ хвостикомъ, и молодцоватый, онъ обращалъ на себя общее вниманіе развязностью своихъ манеръ, впрочемъ, не доходящею до грубости. Появлялся онъ въ публикѣ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. То одѣнется въ самую модную жакетку au dernier goût du jour, то въ красивую форму гурійской дружины: короткая куртка, шаровары въ обтяжку, голова красиво задрапирована башлыкомъ, а талія обмотана золотымъ поясомъ съ цѣлымъ арсеналомъ холоднаго оружія, при видѣ котораго дѣлалось жарко, и горячаго, отъ котораго человѣкъ скоро холодѣетъ.

Въ этомъ видѣ мой гуріецъ представлялъ живой обломокъ временъ Тамары и Руставели!

Другое мое знакомство было столь же неожиданно, сколько и пріятно. Я встрѣтился съ другомъ дѣтства, своимъ школьнымъ товарищемъ М—вымъ. Теперь онъ занимаетъ каѳедру химіи въ Новороссійскомъ университетѣ. Вспоминая эпизоды и картины дѣтства, мы какъ будто оба помолодѣли. Мы дали другъ другу обѣтъ предпринять вмѣстѣ ознакомленіе съ окрестностями Боржома, насколько это доступно для людей, прибывшихъ въ Боржомъ, чтобы принести покаяніе въ нарушеніи великаго классическаго принципа „mens sana in corpore sano“, систематически игнорируемаго современною классическою школою.

ОКРЕСТНОСТИ БОРЖОМА.

Глава третья.

Ближайшія окрестности Боржома.

I.

Воронцовскій паркъ—это геркулесовы столбы для обычныхъ жителей Боржома. Въ фаэтонѣ еще выѣзжаютъ верстъ за 10, но пѣшкомъ ни-ни. Вообще прогулка пѣшкомъ, внѣ парковъ, здѣсь считается чуть-ли не признакомъ mauvais genre. Мы съ своимъ товарищемъ пошли противъ этого предразсудка и начали пѣшій обходъ Боржома. Но не легко было намъ осуществить свое намѣреніе. Это не то, что въ Швейцаріи, которую можно обойти съ помощью одного Бедекера. Путеводителя по Боржому вовсе не имѣется. Плана его также. Да и частнымъ образомъ, помимо управляющаго, нѣтъ возможности получить полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о путяхъ

сообщенія и объ интересныхъ пунктахъ Боржома. Будучи предубѣждены противъ неудобствъ, неразлучныхъ съ обращеніемъ къ оффиціальнымъ лицамъ, мы рѣшились не утруждать ихъ.

Въ нашемъ распоряженіи оставался одинъ путь: это разспросъ поселянъ. Средство вполнѣ доступное, но не вполнѣ цѣлесообразное. Во 1-хъ, длина верстъ, по ихъ разсчету, имѣетъ черезчуръ уже субъективный характеръ; во 2-хъ, слова: „вотъ тутъ же, близехонько, рукою подать" на языкѣ этихъ бравыхъ жителей горъ, дѣлающихъ въ день шутя 30—40 верстъ, какъ оказалось, нужно понимать условно; въ 3-хъ, самый маршрутъ нашъ ставился въ зависимость отъ случайной встрѣчи съ болѣе или менѣе толковымъ поселяниномъ. Но за всѣмъ тѣмъ, особыхъ приключеній съ нами не было, за исключеніемъ двухъ, не особенно, впрочемъ, важныхъ. Отправляясь въ Дабу, въ деревню въ 11 верстахъ отъ Боржома, мы съ моимъ товарищемъ разошлись, причемъ мнѣ пришлось сдѣлать лишнихъ 5 верстъ на припекѣ, а товарищъ мой поплатился тѣмъ, что лишился великолѣпнаго суки (филé, жареный на вертелѣ à la Caucase), доставшагося мнѣ въ видѣ награды за утомительное странство-

ваніе. Другой разъ, отправляясь въ Гомну, мы заблудились, и если бы не добрый человѣкъ, встрѣтившій насъ на дорогѣ въ Кодіани, быть можетъ, намъ пришлось бы переночевать въ лѣсу, въ компаніи медвѣдей и волковъ. Это почти единственные непріятные эпизоды, которые мы впослѣдствіи поминали не лихомъ, а смѣхомъ.

Прогулки свои мы начали съ Тба. Гуляя по Воронцовскому парку, намъ приходилось часто встрѣчать жителей Тба (осетинъ, говорящихъ по-грузински). Они увѣряли, что до Тба не болѣе 3 верстъ, (въ дѣйствительности оказалось 6).

Дорога за Воронцовскимъ паркомъ идетъ по Садгерской плоской возвышенности, между рѣчками Боржомкою и Черною рѣчкою. Дорога все время идетъ густымъ сосновымъ боромъ, наполненнымъ смолистыми испареніями. Тутъ сдѣлана просѣка еще во времена Воронцова, и она носитъ его имя. На Воронцовскомъ подъемѣ мы встрѣтили аробщика, согласившагося довезти насъ по 20 к. съ души до самого Тба. Но этимъ предложеніемъ воспользовался только нашъ бичо — имеретинъ, которому ѣзда на арбѣ напоминала его родину.

Во время пути мы имѣли случай лишній разъ убѣдиться, какъ вѣрно наблюденіе, сдѣланное еще Горацiемъ. Онъ спрашивалъ Мецената:

Qui fit, Maecenas, ut nemo quam sibi sortem
Seu ratio dederit, seu fors objecerit, illa
Contentus vivat, laudat diversa sequentes?
. . . .
Agricolam laudat, juris legumque peritus.

Надо мною оправдался цѣликомъ послѣдній стихъ.

Восхищаясь чистымъ, благоуханнымъ воздухо̀мъ и красивыми видами, мы выражали нашему аробщику Бесо̀ сожалѣніе, что лишены возможности всегда жить въ такой живописной и здоровой обстановкѣ. Онъ не хотѣлъ вѣрить нашей искренности и, въ свою очередь, завидовалъ намъ, что можемъ жить въ городѣ (т. е. Тифлисѣ).

— Да что хорошаго въ вонючемъ Тифлисѣ?

— Тамъ денегъ много, таковъ былъ отвѣтъ дикаго сына лѣсовъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ? спросили мы его разговорившись.

— Да почемъ я знаю? Говорятъ 25, да кто его знаетъ. Отецъ сказывалъ, что женился въ годъ затменія солнца.

Не правда-ли, своеобразное лѣтосчисленіе?...

На 3-й верстѣ отъ Боржома (за точность не ручаюсь) кончается лѣсъ и начинаются садгерскіе хлѣба—пшеница, кукуруза. А пройдя версту, вы попадаете въ чистенькое село Садгери. Домики деревянные, большею частью съ балкончиками, крыши тесовыя. Церковь каменная, безъ купола, и имѣетъ форму куба, покрытаго двускатною крышею, тоже каменною. Если бы не маленькіе крестики, на двухъ концахъ крыши, то трудно бы признать въ этомъ зданіи церковь. Къ этому приходу приписаны деревни кругомъ верстъ на 10—15.— При входѣ въ деревню намъ встрѣтился попъ верхомъ. Видно было, что возвращался съ веселой попойки. Онъ едва держался въ сѣдлѣ.— Въ деревнѣ мы достали молока и мацони (простокваша). На улицѣ намъ бросился въ глаза мальчишка чудной красоты, точь-въ-точь копія съ Іоанна Крестителя на картинѣ Рафаэля „Св. семейство", только рыжій и необыкновенно блѣдный. Оказалось, у него дисентерія, его обкормили боржомскими конфектами, — вотъ вамъ вліяніе цивилизаціи. Большинство жителей Садгери дальше Боржома не были нигдѣ. Объ немъ говорятъ они съ такою же націо-

нальною гордостью, какъ французъ о Парижѣ.

По легкому подъему мы дошли до дер. Тба. Самое названіе ея произошло отъ небольшаго озера, скорѣе пруда (тба—по-грузински значитъ озеро), находящагося близъ деревни. Тутъ живетъ нѣсколько осетинъ, занимающихся перевозкою дровъ. Здѣсь вполнѣ оправдывается поговорка: „за моремъ телушка полушка, да перевозка рубль". На мѣстѣ кубическая сажень еловыхъ дровъ стоитъ 2 руб., а перевозка въ Боржомъ 10—12 р. Въ дер. Тба мы нашли яйца. Въ лѣсу мы устроили привалъ, и, разведя костеръ, устроили себѣ великолѣпный шашлыкъ на кавказскій манеръ. Пришлось пожалѣть, что взяли мало вина. На обратномъ пути, недалеко отъ Садгеръ (на деревѣ имѣется дощечка съ надписью: „первый спускъ") мы спустились по довольно крутому спуску въ ущелье Боржомки, и затѣмъ по живописной и холмистой дорогѣ вскорѣ очутились около „Чертова моста" и далѣе паркомъ минеральныхъ водъ вернулись домой. Въ гостиницѣ не хотѣли вѣрить нашему подвигу, состоявшему въ томъ, что въ одинъ день сдѣлали, incredibile dictu, 15 верстъ пѣшкомъ, и были въ Тба.

II

Для облегченія передвиженія я завелъ себѣ осленка. Тутъ я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ „pro asino“. Едва ли какое другое животное подвергалось столькимъ нападкамъ и незаслуженнымъ обидамъ вездѣ, во всемъ свѣтѣ, и въ частности на Кавказѣ. Не только ослиныя уши, которыя, положимъ, не очень граціозны, но даже и ноги осла, коимъ ужъ никакъ нельзя отказать въ граціозности и миніатюрности, сдѣлались нарицательными именами для обозначенія безобразія. Вдобавокъ ко всѣмъ этимъ обидамъ, на Кавказѣ сложилось еще мнѣніе, что на ослѣ ѣздить неприлично вообще, а женщинѣ въ особенности. Женщина скорѣе дастъ себѣ отрѣзать косу, чѣмъ поѣдетъ верхомъ на ослѣ. Ве́рхомъ буффонады считается, когда въ чистый понедѣльникъ въ Тифлисѣ появляется маскарадная процессія брачнаго поѣзда, причемъ невѣста (конечно переодѣтый мужчина) сидитъ верхомъ на ослѣ. Ослу остаются два утѣшенія. Во-первыхъ, заслуги и добродѣтели его признаны и воспѣты Викторомъ Гюго, поэтомъ-

солнцемъ, который въ своей поэмѣ L'âne, посвящаетъ ослу, свернувшему съ дороги, чтобы не раздавить жабы, слѣдующій трогательный диѳирамбъ ставящій его выше Сократа и Платона:

Cet âne object, souillé, meurtri sous le bâton
Est plus saint que Socrate et plus grand que Platon.

Другое, и притомъ немаловажное, утѣшеніе осла заключается въ томъ, что люди, благодаря своимъ предразсудкамъ, лишили себя большаго удобства доставляемаго осломъ, какъ суррогатомъ верховой лошади, которая, во-первыхъ, довольно дорога (въ Боржомѣ въ часъ 1 р., а въ сутки 5 руб.), а во-вторыхъ, не всегда удобна для ѣзды по горнымъ тропамъ. И такъ, я завелъ осленка, который служилъ для перевозки съѣстныхъ припасовъ и багажа, иногда же возилъ и меня.

Но первый опытъ съ осломъ вышелъ неудачнымъ (выше я упоминалъ, какъ мы разошлись съ товарищемъ по пути въ Дабу), и всю вину люди, съ обычною своею справедливостью, свалили на осла. Намъ говорили, что изъ Садгеръ есть короткая дорога въ Дабу, отстоящую отъ Боржома по Ахалкалакскому шоссе на 11 верстъ. Но благодаря от-

части нашей оплошности, отчасти лаконизму встрѣтившагося намъ осетина, указывавшаго дорогу, мы, вмѣсто того, чтобы спуститься у лѣсной дороги, находящейся у Садгеръ, влѣво отъ него, пошли прямо по дорогѣ въ Тба, а затѣмъ просѣкою, ведущею въ Цеми и Цагверо. Если бы не добрые люди изъ Зетамзе (въ переводѣ значитъ подсолнечная — деревня, расположена на высокой горѣ, и ее освѣщаютъ послѣдніе лучи заходящаго солнца), мы очутились бы въ Цагверо. Спасибо надоумили они насъ спуститься на шоссе и повернуть по немъ назадъ. Къ тремъ часамъ мы едва добрались до Дабы, страшно утомленные.

Не мудрено, что мы не очень-то интересовались ея красотами и просили поскорѣе провести въ монастырь. „Вотъ тутъ же", послышалось знакомое намъ указаніе. Но мы уже сдѣлались спектиками и попросили, чтобы насъ проводили до самаго монастыря. Онъ дѣйствительно оказался тутъ же, не больше какъ въ полу-верстѣ отъ дороги. Едва переводя духъ, добрались мы до развалинъ монастыря. Не до его осмотра намъ было. Намъ нуженъ былъ отдыхъ, и мы его нашли. Монастырь располо-

женъ въ такой густой чащѣ, что ни одинъ лучъ не проникаетъ въ нее. Надъ нимъ свѣсилась скала, прикрывающая частью естественнымъ, частью выдолбленнымъ гранитнымъ полусводомъ крышу церкви. Изъ нѣдръ этой скалы вытекаютъ два чудныхъ ключа. И что за вода! Если я скажу, что она холодна какъ ледъ, чиста какъ слеза и вкусна какъ нектаръ, то повѣрьте, тутъ не будетъ преувеличенія. Стакана этой воды было достаточно, чтобы оживить, укрѣпить насъ и влить въ насъ бодрость. Нѣсколько кусковъ традиціоннаго шашлыка и катехинскаго окончательно возстановили наши силы, и мы тутъ только могли разглядѣть прекрасно сохранившіеся руины изящнаго храма. Онъ сложенъ изъ каменныхъ плитъ, всѣ украшенія его—каменныя барельефы. Особенно красивы арабески на дверяхъ. Есть какія-то надписи на церковно-грузинскомъ языкѣ, вѣроятно, содержащія данныя о времени и личности строителя. Храмъ поражаетъ не размѣрами, а строгою пропорціональностью частей и граціозною миловидностью. Возвратились мы по кратчайшей дорогѣ, начинающейся у самаго монастыря и по некрутому подъему, ведущему къ Садгери.

Недалеко отъ Дабы находится красивый водопадъ. На этотъ разъ нечего было и думать о посѣщеніи его: было уже поздно. За разными дѣлами и пустяками я его не могъ посѣтить раньше августа. Дорога къ водопаду сначала идетъ по густому лѣсу, въ которомъ встрѣчаются замѣчательныя экземпляры пихтъ (есть 400-лѣтнія), затѣмъ начинается каменистое ложе Дабисацхали, которое все болѣе и болѣе съуживается. Оба края ущелья покрыты въ чудномъ безпорядкѣ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Дорога все становится круче. Впереди виднѣется высокая гора, вершина коей, разорванная какимъ нибудь катаклизмомъ, стоитъ словно обнаженная грудь великана. Еще одно небольшое усиліе и мы на послѣднемъ выступѣ, состоящемъ изъ цѣльныхъ громадныхъ плитъ, точно мостовая исполиновъ. Вотъ, наконецъ, и водопадъ! Въ началѣ лѣта онъ бываетъ многоводенъ и широкою серебряною лентою ниспадаетъ съ высоты 200 слишкомъ футовъ. Но въ августѣ воды было мало и она спадала бѣлоснѣжными брызгами, какъ будто какая нибудь шаловливая нимфа бросала внизъ горсти свѣтлыхъ жемчужинъ.

Въ хронологическомъ порядкѣ теперь слѣдуетъ поѣздка въ Тимотисубани, въ 18 верстахъ отъ Боржома. Эту поѣздку я совершилъ вмѣстѣ съ однимъ московскимъ пріятелемъ. Мы взяли фаэтонъ на цѣлый день за 7 руб. Первыя 14 верстъ дорога та же, что въ Цагверо, которую я описывалъ раньше (см. гл. I). Затѣмъ кончается шоссе и начинается грунтовая дорога, которая сильно портится послѣ дождей. Отъѣхавъ версты двѣ, мы совершенно неожиданно вступили въ тѣснины, съ отвѣсными базальтовыми скалами, переносящими воображеніе въ знаменитое Дарьяльское ущелье. Въ этихъ скалахъ высѣчены жилища троглотидовъ, ждущія своихъ изслѣдователей. Около дер. Тимотисубани находится церковь св. Тимоѳея въ развалинахъ. Она поражаетъ своею высотою и размѣрами. Куполъ сохранился прекрасно. Мѣстами сохранилась и стѣнная живопись. Фронтонъ и куполъ украшены голубыми изразцами, превосходно сохранившимися. Церковь построена изъ кирпича и облицована камнемъ. Время постройки неизвѣстно. Около развалинъ поселился какой-то отставной солдатъ, который замаливаетъ свои грѣхи, среди поэтической обстановки, и вти-

хомолку совершаетъ молебны и, кажется, даже требы. У самой церкви течетъ студеный родникъ. Вверхъ по руслу его начинается отличная прогулка среди буковъ-великановъ. Къ вечеру пошелъ дождь, но мы сидѣли подъ защитою старой ели, и ни одна капля на насъ не попадала.

Воронцовскій паркъ расположенъ на высокомъ плато, но когда смотришь оттуда на-лѣво и на-право, то окружающія горы, покрытыя богатѣйшею растительностью, кажутся недоступными великанами. Онѣ необыкновенно привлекательны и заманчивы. Мы съ М—ымъ рѣшились, наконецъ, проникнуть въ эти лѣса, гдѣ рубятся тѣ чудовищныя бревна, которыя можно видѣть на сплавныхъ пристаняхъ (бревна достигаютъ до 50 дюймовъ въ діаметрѣ). Навьючили мы моего Кокри (такова была поэтическая кличка моего осленка), взяли въ качествѣ провожатаго мальчика имеретина, Егорку, нѣчто среднее между Санхо Панчою и Петрушкою, и въ 8 часовъ утра выступили пѣшкомъ по Торскому шоссе.

Оно начинается у армянской церкви и все время идетъ зигзагами до самаго верха горы. Но есть и пѣшая тропа, довольно, впрочемъ,

крутая, сокращающая дорогу, по крайней мѣрѣ, втрое. Когда мы поднялись довольно высоко, очутились въ превосходномъ сосновомъ лѣсу, откуда увидали невиданные доселѣ виды: на-лѣво, вверхъ по Курѣ,—безконечные лѣса, гдѣ-то внизу красивыя бѣлыя пятна—то лагерь мѣстнаго батальона, впереди красиво раскинулся Боржомъ съ своими дачами, а на-право, подъ ногами, Воронцовскіе паркъ и просѣка и Садгерская плоскость, вьющаяся лентою между двумя ущельями. Зрѣлище восхитительное!

Обогнувъ гору, мы перевалили на слѣдующую еще болѣе высокую гряду, откуда намъ открылось безбрежное лѣсное море и вершины Гваргвиніа (7,441 ф.), Тортози (6,595 ф.) Въ отдаленіи, гдѣ-то подъ нами, можно было разглядѣть знакомыя уже Садгери, Даба и Зетамзе. Подъемъ дѣлался все круче и круче, но мы все шли впередъ. Когда ужъ мы удалились верстъ на 8, то открылся новый чудный видъ: Воронцовскій паркъ былъ далеко позади, затѣмъ дер. Кубиси, а еще далѣе въ перспективѣ долина Куры, сливающаяся съ Сурамскою возвышенностью. Еще одинъ спускъ, еще одинъ адскій подъемъ по тропинкѣ, по которой даже нашъ Кокри поднимался съ тру-

домъ, и мы очутились у подошвы лѣсныхъ гигантовъ. Мы видѣли эти громадные ели и буки, лежащими тутъ же у корней и пней своихъ; ихъ царственная одежда, кора, лежала тутъ же въ лохмотьяхъ. А эти саженные пни, точно обезглавленныя туловища великановъ, хранили укоризненное молчаніе.

Встрѣтившійся путникъ объяснилъ намъ, что мы сбились съ дороги, что мы недалеко отъ деревни Торы и довольно близки къ жилищу медвѣдей и волковъ. Я настаивалъ на томъ, чтобы идти впередъ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на пословицу: „волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить". Но мои спутники пожелали направиться къ первоначальной цѣли прогулки, въ деревню Гомна. Мы повернули назадъ и прошли версты 4, и дошли, наконецъ, до узкой тропы, ведущей въ Гомну. Тутъ мы устроили привалъ и, подкрѣпившись пищею и питьемъ, часовъ въ 5 пустились въ Гомну.

Дорога и тутъ оказалась ужасною. Въ двухъ мѣстахъ чуть не сорвался нашъ надежа-Кокри въ оврагъ, два раза чуть не увязъ въ грязи. Но всѣ опасности были обойдены благополучно. Увидѣвши домики Гомны, мы едва-ли меньше обрадовались, чѣмъ спутники Колумба при

видѣ Америки. У деревни насъ встрѣтила кучка дѣтей и стая собакъ. Сначала первыя принялись было защищать отъ вторыхъ, но потомъ бросили насъ.

Лѣсной объѣздчикъ и населеніе деревни встрѣтило насъ не очень дружелюбно (NB. не мѣшаетъ вообще запастись открытымъ листомъ отъ Боржомской конторы); все добивались цѣли нашего странствованія. То принимали насъ за евреевъ, пришедшихъ сторговать яйца, то за браконьеровъ. Эти простые люди, живущіе въ райской обстановкѣ, никакъ не могли понять, что̀ именно было цѣлью нашего странствованія. Какъ бы то ни было, нашлось одно доброе семейство, согласившееся дать намъ пріютъ и ночлегъ. Въ деревнѣ ни у кого не оказалось самовара и мы принуждены были кипятить воду въ кастрюлѣ. Но чай вышелъ отмѣнный, не знаю только, чему это приписать,—прекрасной ли родниковой водѣ, или прекрасному аппетиту.

Мы попали какъ разъ въ день заговѣнья на Успенскій постъ. Во многомъ другомъ осетины сохранили языческіе обычаи, но относительно соблюденія постовъ они примѣрные христіане. Наша добрая Пенелопа собственно-

ручно замѣсила и тутъ же на сковородкѣ испекла чади (кукурузныя лепешки). Общими усиліями состряпали ужинъ, причемъ имѣвшаяся у насъ икра, впервые отвѣданная гомненскими аборигенами, произвела фуроръ. Кахетинскому наши хозяева, или вѣрнѣе хозяйка (хозяинъ, плотовщикъ, отсутствовалъ) оказала вполнѣ заслуженное вниманіе. И затѣмъ вся наша честная компанія, насъ трое, да хозяйка съ дѣтьми, легли спать въ одной комнатѣ, раздѣлившись на двѣ партіи.

Всю ночь топился каминъ ради тепла (5.000 футовъ высоты давали себя знать) и очищенія воздуха. Спали бы отлично, если бы не легкая кавалерія, наносившая тяжелыя раны нашей и безъ того истерзанной плоти. На другой день, напившись чаю и закусивши прекраснымъ буйволовымъ варенцомъ, мы горячо поблагодарили нашихъ хозяевъ на словахъ и на дѣлѣ, послѣ чего они сдѣлались еще любезнѣе и на дорогу дали намъ яицъ и табака̀ (цыпленокъ, жареный плашмя). Сначала дорога казалась утомительной, и мы едва волочили ноги, но пройдя версты двѣ, мы пошли ходчѣе и почти бѣгомъ сбѣжали верстъ 10 отъ Гомны до Боржома. Но видами ни около

Гомны, ни дорогою любоваться не приходилось, такъ какъ день былъ пасмурный, а затѣмъ полилъ сильный дождь. Мы вернулись часамъ къ 12-ти домой мокрые, но бодрые и здоровые и съ прекраснымъ аппетитомъ.

Изъ ближайшихъ къ Боржому прогулокъ слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующихъ. Дер. Кубиси находится всего въ 4-хъ верстахъ внизъ по Курѣ, мимо больничныхъ бараковъ. Дорога не трудная и почти все время идетъ опушкою лѣса. Деревня чистенькая, можно имѣть и самоваръ. Есть даже духанъ (нѣчто среднее между кабакомъ и харчевнею) подъ любопытною фирмою „невинность“ (вѣроятно, потому, что въ немъ нельзя достать хорошаго вина).

Вверхъ по Курѣ, всего въ 3-хъ верстахъ, недалеко отъ пивоваренпаго завода Петерса, есть развалины Ликанскаго монастыря близъ деревни Ликаны. Но онѣ имѣютъ интересъ больше для археолога, чѣмъ туриста. Есть могильники, но ужъ кѣмъ-то разрытые и пустые. Есть, впрочемъ, не мало и не разрытыхъ.

Для туриста гораздо интереснѣе развалины Зеленаго монастыря, на 8-й верстѣ по Ахалцыхскому шоссе. Дорога къ монастырю, не

больше версты въ сторону отъ шоссе, идетъ густымъ лѣсомъ. Монастырь (церковь и колокольня) отлично сохранился и даетъ надлежащее представленіе объ его былой красотѣ. Вокругъ зелень и благоуханіе, въ двухъ шагахъ родникъ съ чистою и холодною водою. У сторожевой будки есть мѣсто, гдѣ можно выкупаться въ Курѣ. Бѣшено бѣгущая волна ея удивительно какъ освѣжаетъ и укрѣпляетъ. Но купанье не безопасное. Дно рѣки усѣяно скользкимъ булыжникомъ. Волна ударяетъ съ такою силою, что трудно устоять на ногахъ.

Глава четвертая.

Дальнія экскурсіи.

I.

Одинъ изъ критиковъ Гомера, желая охарактеризовать всеобъемлющій геній его, выразился такъ: онъ и юношѣ, и мужу, и старцу даетъ столько, сколько каждый изъ нихъ можетъ воспринять. То же можно сказать и о Боржомѣ. Онъ тѣмъ и хорошъ, что можетъ удовлетворить всѣ вкусы любителей горныхъ пейзажей, всѣ силы и способности туриста. И пѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажѣ, и вблизи, и вдали онъ предлагаетъ массу прогулокъ, если не одинаково пріятныхъ, то весьма разнообразныхъ. Но, къ сожалѣнію, мало кто пользуется ими.

Среди дачниковъ Боржома ходили какіе - то смутные толки объ озерѣ, откуда привозятъ форель въ Боржомъ. Всѣ хвалили, но немно-

гіе видѣли его, и положительно никто не могъ растолковать дорогу, ведущую къ нему. Говорили также, что есть вершина Цхра-Цхаро, откуда видна цѣпь кавказскихъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, что видны Эльборусъ и Казбекъ. Но все это говорилось такъ неопредѣленно, что ни отъ кого нельзя было добиться толку, гдѣ и какъ пробраться къ этимъ прелестямъ. А иные даже скептически относились къ возможности съ одного и того же пункта видѣть и Эльборусъ, и Казбекъ. Все это сильно подмывало меня посѣтить эти мѣста а тутъ еще пріѣхали мои московскіе пріятели, проф. Иванюковъ и Ковалевскій, отчаянные туристы, только что совершившіе верхами 23-хъ-дневный перевалъ черезъ Донгузурунъ, мимо Эльборуса, въ Сванетію.

Въ такой компаніи нечего было пугаться дальней поѣздки. Но встрѣтилось одно препятствіе—верховая ѣзда. Я помню, какъ мальчикомъ, лѣтъ 25 назадъ, упалъ съ лошади, и съ тѣхъ поръ нога моя не касалась стремени. Какъ видите, не слишкомъ славное кавалерійское прошлое. Однако, не долго думая, я рѣшился подвергнуться кавалерійскому экзамену. Управляющій боржомскимъ имѣніемъ, Я. К.

*

Васильевъ, снабдилъ насъ маршрутомъ и рекомендаціями, и мы 18-го августа пустились въ путь.

Дорога наша лежала на Бакурьянъ, въ 30-ти верстахъ отъ Боржома, на высотѣ 6,000 слишкомъ футовъ. До Бакурьяна мы взяли фаэтонъ на два дня за 20 р. (въ другую пору можно было бы нанять и дешевле, но тутъ время было горячее,—ждали Великаго Князя). Первыя 15 верстъ мы ѣхали по знакомому уже шоссе до Цагверскаго желѣзнаго источника, вдоль Черной рѣки.

У Цагверо начинается подъемъ въ Бакурьянъ. Шоссе все время идетъ въ гору и вьется зигзагами, дѣлая безпрестанные и смѣлые повороты. Воздухъ дѣлается все легче и прозрачнѣе, горизонтъ шире. Чинары и ели достигаютъ такихъ размѣровъ, что надо далеко назадъ закинуть голову, чтобы видѣть вѣнчающія ихъ короны. Чѣмъ выше, тѣмъ ландшафты становятся разнообразнѣе. Впереди, сбоку, внизу подъ ногами вы видите такіе тоны и освѣщеніе, что у самого „лѣснаго царя“ разбѣжались бы глаза. Благодаря поворотамъ, вы видите одни и тѣ же виды въ новомъ сочетаніи и освѣщеніи. Когда мы до-

стигли высшаго пункта шоссе, то все видѣнное мною прежде предстало какъ бы на генеральномъ смотру. Вотъ Садгери, куда я взбирался когда-то съ гордостью капитана Гатераса; вотъ Торская дорога, куда едва дерзала парить моя фантазія; вотъ, наконецъ, лѣса, растущіе на гребняхъ Гвиргвинскихъ горъ. Все это было болѣе *подъ мною*. Я былъ выше ихъ (значитъ, на высотѣ около 6,000 футовъ). Я почти стыдился за тѣ минуты наслажденія, которыя я тамъ, внизу, испытывалъ. Такъ все тамъ казалось низменнымъ. Но такъ ужъ устроенъ человѣкъ. Съѣденное и выпитое скоро забывается,—говоритъ восточная пословица. То же самое повторяется и съ видѣннымъ.

Къ 12 часамъ мы доѣхали до Бакурьяна. При въѣздѣ въ деревню намъ попался на встрѣчу шарабанъ, то былъ кондукторъ, Александръ Ильичъ Мироновъ, нашъ будущій чичероне, къ которому мы имѣли рекомендательное письмо. По представленіи кредитивныхъ грамотъ, мы вступили въ распоряженіе нашего любезнѣйшаго Виргилія.

Мироновъ оказался землякомъ г. Ковалевскаго и соединялъ въ себѣ всѣ симпатичныя

черты малороссовъ: беззаботность, радушіе, юморъ. Не смотря на свои 75 лѣтъ, онъ прекрасно сохранился. Румяный, сѣдой, небольшаго роста, юркій, веселый, онъ сильно напоминалъ мнѣ врѣзавшуюся у меня съ дѣтства въ памяти личность фланкера „Соколиный глазъ" въ „Послѣднемъ изъ могиканъ". Мироновъ ужъ болѣе 30-ти лѣтъ на Кавказѣ. Знаетъ его прекрасно, значитъ, и любитъ его страстно. Хотя любитъ онъ и Малороссію, но Кавказъ явно предпочитаетъ.

Мѣстоположеніе Бакурьяна здоровое и живописное. Мѣсто открытое, кругомъ великолѣпные сосновые лѣса. Вода не очень хороша, потому что ее портитъ скотъ; но если брать повыше, то и на воду нельзя пожаловаться. Населеніе частью грузинское, частью малороссійское, переселенное сюда еще во времена Воронцова. Воздухъ необыкновенно чистый, здоровый, пропитанный смолистыми испареніями сосны. Есть очень чистенькіе домики, и жить здѣсь въ іюлѣ должно быть очень пріятно, а въ остальное время должно быть довольно холодно (высота болѣе 6,000 ф. *).

*) Чтобы дать масштабъ для сравненія, достаточно указать на то, что крымскіе гиганты (?) Чатырдагъ и Ай-Петри не достигаютъ полныхъ 5,000 футовъ.

Мироновъ угостилъ насъ превосходною, свѣжею, озерною форелью (изъ Табацхурскаго озера), а на десертъ хохлушки принесли намъ только что набранной пахучей лѣсной малины, да такой крупной, что величиною своею она напоминала викторію. И это во второй половинѣ августа! Въ Бакурьянѣ мы видѣли и боржомскаго скорохода-Геркулеса, армянина Казахскаго уѣзда, Хечо Хечикова. Онъ служитъ объѣздчикомъ, и ему полагается въ день дѣлать 50—60 верстъ. Въ часъ онъ дѣлаетъ болѣе 20 верстъ и обгоняетъ лошадь на рысяхъ. Avis для преемниковъ Лентовскаго!

Въ Бакурьянѣ мы оставили фаэтонъ и наняли верховыхъ лошадей по баснословно дешевой цѣнѣ, по 1 р. въ сутки. Это мы сдѣлали для выигрыша времени и сокращенія пути, но до самаго Цхра-Цхаро есть шоссе, часть Ахалкалакскаго шоссе. Въ 3-мъ часу мы выѣхали верхами, разсчитывая къ вечеру добраться до главной цѣли нашей экскурсіи,—до горы Цхра-Цхаро, откуда открывается удивительная панорама на снѣжную линію кавказскихъ горъ. Дорога шла по руслу Бакуріана и лѣсными порослями. Мѣстами бѣднымъ лошадкамъ доставалось-таки порядкомъ,—

дорога взвивалась по мягкому грунту, крутому и усѣянному булыжникомъ. Но я выдержалъ блистательно свое кавалерійское испытаніе.

Къ 6 час., проѣхавъ 8 верстъ, мы подошли къ подошвѣ Цхра-Цхаро, но съ грустью замѣтили, что предметъ нашего стремленія, кавказскія горы, недоступны. Густыя облака окутывали ихъ. Вся надежда была на слѣдующее утро. Чтобы воспользоваться тѣмъ, что̀ еще можно было видѣть, мы взобрались на гору влѣво отъ Цхра-Цхаро. Она не имѣетъ оффиціальнаго наименованія, и мы въ честь нашего чичероне назвали ее Мироновскою.

По меньшей мѣрѣ, высота ея достигаетъ 7,500 ф. Древесная растительность тутъ прекращается, и мы вступили въ зону альпійскихъ кустарниковъ и пастбищъ. Подъ нами были Бакурьянъ, Цихиджвари; слѣва Санисло откуда вытекаетъ Боржомка, и изящный Кодіани; справа Тортизи, Гвиргвинія; позади выступала въ видѣ головы носорога Цхра-Цхаро, а впереди гряды горъ, далеко выступающія за предѣлы Боржомскаго имѣнія. А за горами предъ нами открылась настоящая фата-моргана. На Западѣ, по направленію къ Черному морю, бѣлесоватыя облака волнообразною, дымчатою

пеленою покрывали громадныя пространства; отдѣльныя вершины торчали въ видѣ островов. Обманъ зрѣнія былъ такъ полонъ, что, казалось, силою волшебства мы перенесены къ берегамъ Бѣлаго моря. До самаго заката солнца мы любовались этой своеобразною картиною, окрашиваемой поочередно во всѣ оттѣнки зари, начиная отъ блѣдно-желтаго и до ярко-краснаго.

Становилось, однако, свѣжо, и мы вошли въ страннопріимный домъ, построенный у самой подошвы Цхра-Цхаро. Лѣтомъ онъ служитъ жилищемъ для лѣсной стражи, а зимой открытъ для всѣхъ ищущихъ защиты отъ непогоды и морозовъ, которые здѣсь бываютъ очень жестоки. Въ 1876 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, около Цхра-Цхаро замерзли 34 человѣка и 48 паръ быковъ. Съ тѣхъ поръ и открытъ этотъ домъ, который послѣ Гударской станціи, если не ошибаюсь, составляетъ высшій пунктъ человѣческаго жилья на Кавказѣ и даже въ Европѣ. Принимая во вниманіе его столь необычайную „высокопоставленность", нужно признать, что удобства, имъ доставляемыя, громадны. Домъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, прилично меблированныхъ; на стѣнахъ портретъ покой-

наго Государя и сцена избіенія баши-бузуками болгарскихъ младенцевъ. Въ домѣ можно не только обогрѣться, но и отлично выспаться. Имѣется кровать, постель, чистое бѣлье, даже умывальныя принадлежности,—роскошь, которую вы встрѣтите далеко не во всѣхъ провинціальныхъ гостиницахъ. Филей (суки) на вертелѣ намъ зажарили на-славу, такъ что въ самомъ Эрмитажѣ лучше бы не приготовили. Чай, благодаря превосходной ключевой водѣ, вышелъ безподобный. Вообще тутъ въ окружности масса прекрасной воды. Самое названіе Цхра-Цхаро на то указываетъ: оно означаетъ 9 родниковъ. Водопроводъ, уцѣлѣвшій отъ временъ Тамары и доведенный до Воронцовскаго парка, беретъ начало недалеко отъ Цхра-Цхаро.

Послѣ ужина мы вышли любоваться на горы, освѣщенные луною. Небо вызвѣздило словно на показъ. Кругомъ царствовала таинственная, ласкающая тишина. Мѣстные гиганты Санисло (9,352 ф.), Кодіани (8,757 ф.) сладко дремлютъ, не покидая сторожевыхъ постовъ. Зигзаги шоссе, точно змѣя, уходятъ внизъ и теряются во муракѣ. Чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ дышетъ лежащая предъ нами, подъ нами

и надъ нами страшная, но манящая бездна. Гигантскія, причудливыя тѣни, тѣни безъ конца и начала, сообщаютъ картинѣ еще болѣе сумрачный характеръ. Ни одного звука, кромѣ нѣжнаго, едва слышнаго журчанья одного изъ 9-ти родниковъ. Мясистые листья рододендрона едва трепещутъ. Слово не срывается съ языка. И какъ нарушить эту чудную благоговѣйную тишину! Грудь высоко подпимается, и только учащенное дыханіе свидѣтельствуетъ о неизреченномъ наслажденіи, которое испытываютъ и духъ, и плоть...

Бѣлое море, видѣнное предъ зарею, по прежнему на мѣстѣ, но небо чисто, ясно. Метерелогическія соображенія нашего чичероне говорятъ:

Жди яснаго на завтра дня!

Мы ложимся спать съ пріятною надеждою на благопріятное разрѣшеніе этого капитальнаго для насъ вопроса.

II.

Я никогда не забуду слѣдующаго дня, 19 августа. Насъ разбудили въ 4 часа. Наскоро одѣвшись и умывшись холодной, какъ ледъ, водою, мы вышли на воздухъ. Довольно свѣжо.

Ни день, ни ночь, или вѣрнѣе, и день, и ночь. Луна еще свѣтитъ, но уже брежжетъ и дневной свѣтъ. Тутъ только я понялъ смыслъ стиха, хотя и сказаннаго по другому поводу:

Такъ тихо набѣгаетъ тѣнь,
Такъ робко свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь настала ночь.

При этомъ полусвѣтѣ, полумракѣ, горы и небо были окрашены въ такую чудную смѣсь цвѣтовъ: зеленаго, голубаго, фіолетоваго, что въ общемъ получалось впечатлѣніе чего-то фантастическаго волшебнаго, сказочнаго. Нигдѣ я не видалъ такого освѣщенія и сочетанія цвѣтовъ.

И небо, и земля кажутся ушедшими еще дальше, еще глубже, чѣмъ наканунѣ. Небо совершенно ясно. И такъ—роковой вопросъ о погодѣ разрѣшился въ нашу пользу. Немедля ни минуты, мы начинаемъ взбираться на вершину Цхра-Цхаро, чтобы не прозѣвать момента восхода солнца. Подъемъ не крутой: можно подняться и пѣшкомъ, и верхомъ. На вершинѣ растетъ только угрюмый понтійскій рододендронъ.

Я взобрался на вершину Цхра-Цхаро вер-

хомъ, остальные предпочли идти пѣшкомъ. На вершинѣ 8,800 футовъ свѣжесть сдѣлалась еще болѣе чувствительнаго чувствительною. Предъ нами въ полумракѣ открывался обширный горизонтъ, раздѣленный нѣсколькими параллельными грядами горъ, и замыкаемый главною цѣпью Кавказа. Но востокъ еще былъ блѣденъ, и природа медлено пробуждалась, какъ бы нѣжась въ сладкой дремѣ. Море облаковъ лежало еще спокойно, а потому картина восхода обѣщала быть прелестною...

Но вотъ розоперстая богиня растворила врата неба и слегка подрумянила на правой сторонѣ горизонтъ. Мѣсяцъ сталъ блѣднѣть. Поблекли и звѣзды. Востокъ начиналъ алѣть. Потухла наконецъ на небѣ и послѣдняя звѣзда. Но одновременно съ этимъ зажглась другая на землѣ, гдѣ-то далеко, далеко, на сѣверо-западной сторонѣ горизонта, на рубежѣ двухъ частей Свѣта. То былъ первый лучъ, упавшій на блестящую двойную корону сѣдовласаго Шата. Довольно долго горитъ она одиноко, посылая гордые привѣты лежащимъ у ногъ ея Европѣ и Азіи.

Погруженные во мракъ вассалы царственнаго колосса съ завистью и подобострас-

тіемъ смотрятъ на горящую лучами корону своего блистательнаго сюзерена и смиренно ждутъ очереди. Торжественно выступающее солнце начинаетъ окрашивать сѣдыя главы гигантовъ Дыхъ-тау, Казбека, Барбало и др. Медленно и плавно поднимается румяное и жизне-радостное свѣтило, и лежащее предъ нами пространство начинаетъ наполняться свѣтомъ и тепломъ.

Присѣвъ у рододендрона, мы начинаемъ любоваться, упиваться необъятной волшебною картиною невиданной прелести и невообразимаго протяженія. Мы видимъ предъ собою цѣпь снѣжныхъ горъ, начиная отъ Дагестанскихъ и кончая снѣжными вершинами далеко на западъ отъ Эльборуса, т. е. болѣе двухъ третей большаго Кавказскаго хребта. Другими словами, намъ открывается горная цѣпь на протяженіи, по крайней мѣрѣ, 500 верстъ. Умъ отказывается вѣрить, чтобы во-очію, наглядно, физически можно было видѣть, такъ сказать, осязать глазами эту живую безконечную, живую карту Кавказа. Не достаетъ только морей, чтобы видѣть Кавказъ отъ моря до моря. Если бы не мгла на западѣ, то мы бы увидѣли и Черное мо-

ре. Такого обширнаго горизонта нельзя наблюдать ни съ Бермамута, ни съ Риги. Словомъ, впечатлѣніе получается необыкновенно сильное, подавляющее, потрясающее при видѣ этой величественной, безконечной панорамы. Чуть-ли не самъ макрокозмъ открылъ здѣсь свой таинственный ликъ поверженному въ прахѣ микрокозму...

Высота-ль, высота поднебесная.
Глубота-ль, глубота—океанъ-море.

Это—относительно силы впечатлѣнія.

О невообразимой красотѣ и разнообразіи открывающейся картины и говорить нечего. Прежде всего, конечно, бросается въ глаза кавказскій богатырь, Эльборусъ, съ двумя своими главами и громаднымъ туловищемъ (такъ неумѣстно называемымъ хвостомъ). Словно Юпитеръ на Олимпѣ, онъ первый между богами, между представителями силы, мощи и красоты. Но онъ не давитъ своею красою и силою: онъ только первенствуетъ между великими. За нимъ точно двѣ стрѣлы на готическомъ храмѣ поднимается стражъ Сванетіи, Ужба. Ея конусообразныя вершины схожи какъ близнецы и какъ бы жмутся другъ къ другу.

Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ,
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,
Имъ не сойтися никогда.

Ярче всѣхъ блеститъ, однако, правильная свѣтлая, конусообразная глава Тетнульда. Онъ словно музагетъ Аполлонъ между музами, горитъ своимъ не меркнущимъ свѣтомъ и привлекаетъ своею вѣчно свѣжею молодостью, своею неувядающей красотою и своею ясною улыбкою. Какъ прямая ему противоположность, высится угрюмый великанъ Дыхъ-тау, насупившій чело, точно мрачный владыка преисподней, Плутосъ. Я долженъ сказать про Дыхъ-тау то же самое, что Карамзинъ сказалъ про Рейхенбахскій водопадъ: „онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ".

Между Эльборусомъ и Дыхъ-тау горитъ, какъ грань алмаза, бѣлоснѣжный массивъ Чарскаго хребта. Бросается въ глаза своею оригинальною формою и Кинжалъ-гора. Далеко направо отъ Дыхъ-тау красуется Казбекъ, какъ бы намѣренно отошедшій въ сторону, боясь опаснаго соперничества Шатъ-горы. За нимъ Барбало и другіе вассалы Казбека.

Дагестанскіе красавицы, какъ подобаетъ истымъ мусульманкамъ, при первомъ же появленіи мужчины бога Аппполона, стыдливо закутались въ волнистыя чадры облаковъ. И тамъ, гдѣ мы только что видѣли горы, образовалось тихо волнующееся море облаковъ, окрашенное янтарнымъ отраженіемъ солнца.

Солнце ужъ поднялось надъ горизонтомъ, и безконечная снѣжная линія горѣла ярко и весело, какъ въ первый день творенія. Долго мы стояли предъ этою безконечною чудною картиною, не будучи въ силахъ отъ нея оторваться. Въ нѣмомъ благоговѣніи мы молча созерцали и славословили дивное величіе природы.

Кто знаетъ, если бы Мефистофель привелъ Фауста на этотъ пунктъ земнаго шара, быть можетъ, онъ бы выигралъ пари, и Фаустъ сказалъ бы времени:

Verweile doch! du bist so shön!

Однако нужно было проститься съ этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ. Бросивъ послѣдній взглядъ на него, мы стали спускаться, но, какъ очарованные, безпрестанно оборачивались назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на

волшебное видѣніе, которое никогда не изгладится изъ моей памяти.

Tard je t'ai connue, beauté parfaite,—припомнились мнѣ слова Ренана, когда мы были у подошвы отнынѣ незабвеннаго Цхра-Цхаро.

III.

Любоваться другими горами послѣ видѣннаго съ Цхра-Цхаро не было возможности. Надо было искать впечатлѣній иного рода. Мы собрались на Табацхурское озеро. Оно отстоитъ отъ Цхра-Цхаро на десять верстъ. Есть порядочная колесная дорога. Она довольно однообразна и идетъ черезъ альпійскія пастбища, на которыхъ дышется легко и пріятно. На ровномъ фонѣ пастбищъ красиво вырисовывается голубая поверхность Табацхурскаго озера, въ которомъ отражаются угрюмыя вершины окружающихъ безлѣсныхъ горъ. Лежитъ оно на высотѣ, приблизительно, 6,000 ф. Длина озера около 8-ми верстъ, ширина 3 версты, но это — максимальныя протяженія, а на краяхъ озеро сильно съуживается. Берега изрѣзаны массой заливчиковъ и мысовъ. Здѣсь ловятся аршинныя форели.

Мы попробовали счастье. Былъ закинутъ огромный 100-саженный неводъ, и мы поймали болѣе полпуда форели разной величины. Это удовольствіе стоило 3 р. На берегу пропасть раковинокъ и минераловъ явно вулканическаго происхожденія. Да и само озеро тоже, кажется, сродни вулканическимъ шалостямъ.

На берегу озера расположены двѣ деревни: Малетъ и Кизилъ-Килиса (красная церковь). Обѣ онѣ населены армянами, лѣтъ 50 тому назадъ эмигрировавшими изъ Эрзерума. И въ той, и въ другой есть развалины церквей и старыя могилы, никѣмъ еще нетронутыя. Развалины въ Кизилъ-Килисѣ лучше сохранились. Есть на нихъ разныя украшенія, но надписи на камняхъ не разборчивы. Въ Кизилъ-Килисѣ намъ предложилъ угощеніе мѣстный крезъ, откупщикъ озера, армянинъ Сандадзе. Кромѣ только что пойманной форели намъ былъ поданъ очень вкусный соусъ изъ цыплятъ. Поданы были тонкія, длинныя лепешки, лаваши, служившія и салфетками. Запивали мы яства прекраснымъ кахетинскимъ виномъ изъ собственныхъ садовъ Сандадзе. Было предложено не мало тостовъ съ той и съ другой стороны. Въ числѣ приглашенныхъ былъ армянскій

попъ, необыкновенно гордившійся выжженымъ у него на рукѣ изображеніемъ Воскресенія Христова, — доказательствомъ паломничества ко святымъ мѣстамъ.

Послѣ обѣда мы приступили къ осмотру жилища нашего амфитріона. Снаружи домъ имѣетъ видъ жилища первобытнаго дикаря и сложенъ изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, ловко подогнанныхъ другъ къ другу; но внутри онъ представляется довольно уютнымъ и прохладнымъ. Домъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ покоевъ. Парадная комната уставлена тахтами во всю длину стѣнъ, украшенныхъ богатымъ оружіемъ. На потолкѣ висѣли двѣ мерлушковыя парадныя шапки хозяина; стѣны обиты дешевыми обоями, служившими гордостью хозяина, но совершенно нарушавшими couleur locale. Намъ гораздо больше понравилась старая гостиная, уставленная, въ видѣ иконостаса, цѣльнымъ рядомъ шкафчиковъ вдоль всей задней стѣны. Рядомъ съ этою гостиною, excusez du peu, находились стойла для тучнаго скота Сандадзе. Но что насъ поразило болѣе всего, это—невѣроятные запасы всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Тремя ярусами были уставлены громадные кувшины

съ масломъ, сыромъ, молокомъ, мацономъ (кислымъ молокомъ), свидѣтельствуя о патріархальной простотѣ и чудовищномъ аппетитѣ обладателей этихъ грудъ яствъ, для сваренія которыхъ нужно имѣть желудокъ не слабосильнаго человѣка XIX в., а героевъ Гомера. Затѣмъ мы осмотрѣли стада овецъ и сыродѣльное заведеніе Сандадзе.

Къ нашему отъѣзду высыпало на улицу все населеніе Кизилъ-Килисы. Мужчины напоминаютъ обыкновенныхъ горныхъ жителей Кавказа. На головѣ мѣховая шапка, одѣтъ въ овчину, ноги обуты въ кожанные лапти; широкіе шаровары опущены въ чулки. Между женщинами были очень красивыя, свѣжія лица, даже красавицы; вообще ахалцихскія армянки славятся красотой. Чудныя глаза ихъ дѣйствуютъ быстрѣе и сильнѣе лейденскихъ батарей. Костюмъ ихъ оригинальный. Синяя блуза съ овальнымъ разрѣзомъ спереди на груди и обязательный красный прямоугольный передникъ, спускающійся до самыхъ ногъ.

Мы вернулись съ озера въ Бакурьянъ другимъ путемъ, черезъ Митарбу. Дорога шла все время великолѣпными лѣсами, расположенными на волнообразныхъ террасахъ. На дорогѣ намъ

попался родникъ съ прелестною водою, но съ такимъ неприличнымъ названіемъ, что я не могу даже и намекнуть на него. Дер. Митарба расположена такъ живописно, что хоть сейчасъ па полотно. Воздухъ здѣсь сухой и здоровый. Это могло бы быть прекраснымъ убѣжищемъ отъ лѣтнихъ жаровъ, если бы не мѣстное осетинское населеніе, пользующееся не особенно хорошею репутаціею.

Къ 8-ми часамъ мы добрались до Бакурьяна. Распрощавшись съ любезнымъ Мироновымъ, мы пустились въ обратный путь, давъ себѣ слово непремѣнно еще разъ посѣтить Бакурьянъ. Опытный фаэтонщикъ живо домчалъ насъ до Боржома. Несмотря на безпрестанные зигзаги, онъ несся, какъ угорѣлый. Въ 11 час. мы были въ Боржомѣ. Наградою за экскурсію, кромѣ пріятнаго о ней воспоминанія, былъ прекрасный сонъ. Въ Боржомѣ не хотѣли вѣрить разсказамъ о видѣнномъ нами.

— Неужели до Табасцура есть колесная дорога? неужели до Цхра-Цхаро есть шоссе?

— Да, есть, а вы не пользуетесь.

Справедливо гласитъ татарская пословица: „одному Богъ даетъ пловъ, другому аппетитъ“.

IV.

Послѣ поѣздки на Табацхурское озеро, я вошелъ во вкусъ кавалерійскихъ экскурсій. Открывъ въ себѣ неподозрѣваемыя способности, я точно окрылился. Я собрался посѣтить сѣверо-западную часть Боржома, по растительности нѣсколько напоминающую смежную Имеретію, избравъ цѣлью Ломисъ-мта (7,200 ф.). Я и одинъ пріятель изъ Тифлиса, г. Б—въ. выѣхали верхами изъ Боржома.

Дорога сначала идетъ по Ахалцихскому шоссе и затѣмъ поворачиваетъ на 3-й верстѣ къ Ликанскому монастырю. Осмотрѣвъ слегка монастырь, мы поѣхали дальше и все время поднимались въ гору. Горы покрыты дубомъ, ольхою, чинаромъ, елью; но сосны совсѣмъ не видать. Дорога очень трудная. По крутымъ тропинкамъ, проложеннымъ по глинистому грунту горъ, едва цѣпляется и удерживается нога лошади. Поднимались мы очень медленно, едва дѣлая въ часъ верстъ 5, и должны были безпрестанно давать отдыхъ лошадямъ. Но за то дышалось легко и пріятно. Кругомъ открывались красивые виды на лѣса и горы. Погода ясная; видъ съ Ломисъ-мта обѣщалъ быть прекраснымъ.

У подошвы ея стоитъ сторожевой домикъ, гдѣ живетъ лѣсная стража, имѣющая, между прочимъ, обязанность слѣдить за появленіемъ пожаровъ, нерѣдкихъ въ окрестностяхъ Боржома. Неподалеку есть развалины церкви,— просто груда камней, прикрытая благочестіемъ лѣсниковъ бревенчатою крышею. Тутъ же у развалинъ, немного влѣво, открывается видъ на глубокую пропасть, воронкообразно спускающуюся внизъ. На противоположномъ отъ насъ краю, на днѣ пропасти, выглядывала копьеобразная трещина, точно слѣдъ удара копьемъ. Дико и величаво. Кругомъ—лѣто въ разгарѣ, роскошная зелень альпійскихъ пастбищъ, масса цвѣто́въ, спѣлая земляника, а въ двухъ шагахъ на горѣ лежитъ снѣгъ, выпавшій за два дня передъ тѣмъ. Контрасты на каждомъ шагу.

Наконецъ, добрались мы до вершины Ломисъ-мта, у которой, при всѣхъ усиліяхъ воображенія, мы не могли найти сходства со львомъ (Ломисъ-мта значитъ Львиная гора). Воздухъ свѣжій, ядрёный. Впереди открылась знакомая уже великолѣпная картина главнаго хребта кавказскихъ горъ съ Эльборусомъ и Казбекомъ во флангахъ. Размѣры картины не

такъ обширны, какъ видъ съ Цхра-Цхаро, но зато, благодаря полуденному солнцу, освѣщеніе ярче, контуры вырисовываются рельефнѣе и горы кажутся ближе. Прибавьте къ этому глубокую и широкую имеретинскую долину, пестрымъ ковромъ раскинувшуюся передъ вами. Еще ближе Сурамскій перевалъ, съ окружающими его красотами, съ желѣзною дорогою. Все это образуетъ картину, достойную соперничать съ видомъ Цхра-Цхаро. Отсюда впервые Кинжалъ-гора стала видна вполнѣ своею оригинальною вершиною. И этотъ чудный воздухъ, и эти блещущія безконечнымъ рядомъ алмазовъ горы обрадовали меня, какъ старые знакомые, желанные, но давно невидѣнные.

И свѣжесть въ грудь,
И силу въ кровь
Дыханьемъ вольнымъ лью.
Какъ сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!

У сторожевой будки насъ ждалъ обѣдъ. Обѣдъ въ виду азіатскихъ великановъ Эльборуса и Казбека,—что можетъ быть пріятнѣе, оригинальнѣе и эффектнѣе? Мы не остались въ долгу предъ почетными хозяевами. Первый

тостъ былъ за Эльборусъ и алаверды — Казбеку. Послѣдній тостъ былъ за Казбека, алаверды — Эльборусу. А они, вѣчно юные, вѣчно блещущіе силою и здоровьемъ, какъ бы съ усмѣшкою, говорили: мы и безъ вашихъ пожеланій всегда здоровы и мощны.

Обратный путь оказался легче, чѣмъ мы ожидали. Съ необыкновенною легкостью и искусствомъ спускались лошади по крутымъ тропинкамъ. Когда мы спустились съ перваго перевала, мы оставили прежнюю дорогу и, взявъ налѣво, поѣхали по теченію рѣки Банисхевисцхали, нерѣдко ѣхали по ея руслу и безъ счету переѣзжали ее. Дорога очень живописна. Преобладаетъ стройный и величественный букъ (чинаръ). Точно ѣдешь по гигантскому парку. Обратный путь оказался гораздо длиннѣе. Уже вечерѣло, когда мы выѣхали на шоссе. Когда мы ѣхали на Ломисъ-мта, то по шоссе отъѣхали 3 версты вверхъ по Курѣ отъ Боржома. Теперь же мы были на 5 верстъ отъ Боржома внизъ по Курѣ. Всего отъ Ломисъ-мта до Боржома сдѣлали 30 верстъ...

Къ сожалѣнію, подошло время отъѣзда, и я далеко не все видѣлъ, что предполагалось

осмотрѣть по первоначальной программѣ.

Но достаточно и видѣннаго, чтобы съ признательностью вспомнить о времени, проведенномъ въ Боржомѣ и его окрестностяхъ.

АБАСЪ-ТУМАНЪ

(1887 г.)

Глава пятая

Абасъ-Туманъ.

(Гидротерапевтическій и климатическій курортъ).

I.

Одна изъ интереснѣйшихъ и доступнѣйшихъ мѣстностей Кавказа, заслуживающихъ вниманія и больныхъ, и здоровыхъ туристовъ, это — извѣстный курортъ Абасъ-Туманъ. Лежитъ онъ недалеко отъ Ахалциха, на высотѣ 4270 футовъ, и находится подъ 41°45′ с. ш. и 60°30,5′ в. д. Къ этому курорту, который впрочемъ и самъ по себѣ, помимо лѣчебныхъ цѣлей, можетъ служить предметомъ непродолжительной и интересной поѣздки, ведутъ два пути. Одинъ начинается у Михайловки, станціи Закавказской желѣзной дороги, и затѣмъ верстъ 100 по шоссе, черезъ Боржомъ и Ахалцихъ, и другой отъ станціи Кутаисъ-Ріонъ той же дороги черезъ Зекарскій перевалъ,

тоже по шоссе и тоже верстъ во сто. Эти два пути имѣютъ то удобство, что, отправившись въ Абасъ-Туманъ по одному изъ нихъ, можно вернуться по другому, не слишкомъ удлиняя своего маршрута. Но предпочтительнѣе ѣхать изъ Михайловки и возвратиться на Ріонъ, потому что въ этомъ случаѣ приходится спускаться (а не подниматься) по восхитительному Зекарскому перевалу, что̀ даетъ возможность видѣть его и стоящія около него горы во всемъ ихъ величіи и красотѣ.

Я самъ избралъ это рекомендуемое направленіе и осенью 1887 года, въ послѣднихъ числахъ сентября, въ покойномъ фаэтонѣ покатилъ со станціи Михайловки Закавказской ж. д. по прекрасному шоссе, среди убранныхъ полей кукурузы, въ живописное Боржомское ущелье. Я уже описывалъ (см. выше) и это ущелье, и красоты Боржома, а потому не буду на нихъ останавливаться теперь. Ограничусь только замѣчаніемъ, что, не смотря на прекрасную осень, многочисленные дачники Боржома давно уже разбрелись и только присутствіе двора Великаго Князя Михаила Николаевича вносило нѣкоторое оживленіе. Въ Боржомѣ я пробылъ всего одинъ день и могъ отмѣтить лишь

слѣдующія перемѣны: открыто еще двѣ гостиницы, оставляющія впрочемъ очень многаго желать относительно комфорта, а также буфетъ въ Воронцовскомъ паркѣ.

На другой день раннимъ утромъ я уже ѣхалъ въ уютномъ почтовомъ фаэтонѣ по Ахалцихскому шоссе въ Абасъ-Туманъ. Весь Боржомъ еще покоился сномъ праведника, когда мы, проѣхавъ по красивому чугунному мосту черезъ Куру, перебрались съ праваго ея берега на лѣвый, который и не пришлось покидать до самаго Ахалциха. По ту сторону Куры поднимались высокія горы, уступами спускавшіяся къ берегу и покрытыя хвойнымъ лѣсомъ. Густой туманъ окутывалъ гребни лѣсистыхъ горъ прозрачною дымкою, а надъ ними—голубое, ясное небо. На лѣвомъ берегу очень скоро окончились лѣсныя заросли, и мы ѣхали у самыхъ голыхъ скалъ, въ живописномъ безпорядкѣ поднимавшихся у самой дороги. Мало-по-малу туманъ сталъ разсѣиваться; изъ боковыхъ ущелій начали выливаться волны свѣта, и лѣса „закурились“, освобождаясь отъ тумана, медленно поднимавшагося точно клубы дыма. Стоявшіе около дороги обнаженные утесы тоже начали выдѣляться изъ туман-

ныхъ дымчатыхъ покрововъ и какъ-бы поднимать голову, точно пробуждаясь отъ утренняго сна. Бѣгущая у дороги Кура бурлила и бѣсновалась на подобіе Терека.

Первая почтовая станція Страшно-Окопская отстоитъ отъ Боржома на 14 верстъ. Здѣсь граница Боржомскаго имѣнія Великаго Князя Михаила Николаевича. Дорога не мѣняетъ характера, но лѣса становятся мельче и рѣже, а потомъ и вовсе исчезаютъ. Теченіе Куры покойнѣе, и у станціи Ацхуръ онъ имѣетъ видъ лѣнивой сонной степной рѣки. Станція Ацхуръ расположена у самой Куры, а на противоположномъ берегу, на неприступномъ утесѣ, въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны руины старой крѣпости. За Ацхуромъ долина значительно расширяется и по пути попадаются роскошныя пашни и знаменитые ахалцихскіе сады, доставляющіе въ громадномъ количествѣ фрукты (особенно яблоки) въ Тифлисъ и даже въ Крымъ. По пути встрѣчались намъ саночки на полозьяхъ, запряженныя парою здоровенныхъ буйволовъ, спеціально приспособленныя для перевозки яблокъ по шоссе безъ сотрясенія. Рядомъ съ шоссе армяне-земледѣльцы пашутъ поля такими первобытными плугами, что

можно перенестись мысленно во времена Гомера.

Послѣдняя передъ Абасъ-Туманомъ станція находится въ гор. Ахалцихѣ. Издали городъ очень красивъ: высокое мѣстоположеніе, масса зелени, конусы церквей и шумное теченіе Куры сообщаютъ ему довольно красивую физіономію. Но когда мы въѣхали въ городъ, то очутились въ такой грязи, что четверка сильныхъ лошадей едва могла протащить нашъ экипажъ. Дома съ длинными балконами, открытыя лавки безъ дверей, оживленныя толпы на улицѣ—все это говорило, что мы на югѣ. Ахалцихъ, кромѣ яблокъ, славится еще своими серебряными издѣліями, но, чтобы пріобрѣсти ихъ дешево, нужно покупать ихъ у мастеровъ и избѣгать факторовъ, обирающихъ обѣ стороны.

II.

Изъ Ахалциха въ Абасъ-Туманъ дорога замѣтно шла въ гору. Кура осталась въ сторонѣ, горизонтъ сильно расширился и на южной сторонѣ стали уже показываться бѣлыя пятна, сливавшіяся на краю горизонта съ безукоризненною синевою неба: то былъ первый выпав-

шій и осѣвшій снѣгъ. Миновавъ длинный рядъ кукурузныхъ посѣвовъ, мы наконецъ вошли въ знаменитое Абасъ-Туманское ущелье. Тянется оно на протяженіи 5 верстъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу. На днѣ его бѣжитъ бурная горная рѣчка, называемая мѣстными жителями Оцхе или Баратхеви и и передѣланная администраціей въ Абасъ-Туманку. При мнѣ, послѣ обильныхъ дождей, выпавшихъ въ горахъ, она была очень полноводна, и, благодаря этому, водопадъ ея, на которомъ сооруженъ мостъ въ честь устроителя здѣшнихъ минеральныхъ водъ, д-ра А. А. Реммерта, представлялъ такую величественную картину, которую можно видѣть развѣ на шварцвальдскомъ водопадѣ Трибергѣ и швейцарскомъ Гисбахѣ.

Абасъ-Туманское ущелье съ обѣихъ сторонъ окружено высокими горами, почти сплошь покрытыми соснами, сообщающими его воздуху легкость и ароматичность. Направо при въѣздѣ въ Абасъ-Туманъ расположены водолѣчебныя зданія и больничные корпуса военнаго вѣдомства, а также метеорлоогическая станція; налѣво лачуги аборигеновъ, ахалцихскихъ армянъ, а затѣмъ начинаются линіи довольно красивыхъ,

большею частью каменныхъ дачъ въ одинъ или два этажа, разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ Оцхе. Имѣются двѣ гостиницы, одна изъ нихъ довольно сносная. Въ концѣ ущелья— очищенная и утрамбованная прогалина — „роща,“ единственное мѣсто для прогулокъ, если не считать парка in spe возлѣ водолѣчебнаго заведенія. Изъ этой рощи поднимаются пѣшія тропинки на сосѣднія горы. Тропинки довольно доступны и ведутъ въ тѣнистыя чащи съ водопадами и дикими ущельями. Есть еще прогалина, такъ наз. „министерская“ (названная такъ въ честь военнаго министра Ванновскаго, лѣчившагося здѣсь два сезона), на значительной высотѣ и параллельно теченію Оцхе. Верстахъ въ шести вверхъ по его теченію находится красивое ущелье, черезчуръ крикливо названоне „Воротами Очарованія.“ Тутъ нѣтъ ни воротъ, ни такихъ красотъ, которыя могли бы вызвать очарованіе. Это узелъ нѣсколькихъ красивыхъ ущелій, заслуживающій посѣщенія, но онъ носитъ такое притязательное и многообѣщающее названіе, что на возвратномъ пути обыкновенно оно смѣняется „Воротами разочарованья.“ За ними начинается подъемъ на знаменитый Зекарскій перевалъ.

Сводя къ одному все сказанное, я прихожу къ заключенію, что для туриста Абасъ-Туманъ и въ особенности Зекарскій перевалъ представляютъ очень много интереснаго: но Абасъ-Туманъ вмѣстѣ съ тѣмъ курортъ, довольно сильно посѣщаемый, и съ этой стороны онъ заслуживаетъ еще большаго вниманія.

III.

Начало извѣстности Абасъ-Туманскихъ минеральныхъ водъ относится къ древнѣйшимъ временамъ. Если вѣрить преданію, въ знаменитомъ Богатырскомъ источникѣ купались и находили исцѣленіе богатыри, сподвижники— excusez du peu—самого Александра Великаго!.. Вы, конечно, не ждете отъ меня изложенія дальнѣйшей прагматической исторіи этихъ водъ, столь же достовѣрной, какъ и только что приведенная басня. Вѣрно только одно, что среди туземцевъ (армянъ, имеретинъ, турокъ) вода Абасъ-Туманская, наравнѣ съ другими сосѣдними водами въ мѣстечкахъ Плято, Уравели, Каршеви, Абано и друг., пользовалась большою популярностью, чему нисколько не мѣшало то обстоятельство, что благодаря неумѣренному пользованію водами нѣ-

которые туземцы засиживались въ теплыхъ ваннахъ до обморока и даже до смерти.

До 1869 г. Абасъ-Туманскія воды находились въ завѣдываніи военнаго вѣдомства, которое, не имѣя ни средствъ, ни задачи приспособлять ихъ для общаго пользованія, эксплоатировало ихъ, въ очень скромныхъ размѣрахъ, для своихъ спеціальныхъ военныхъ надобностей. Съ 1869 г. воды перешли въ гражданское вѣдомство. Только съ конца 1870 годовъ, благодаря усиліямъ доктора А. А. Реммерта, дѣло устройства Абасъ-Туманскихъ водъ пошло быстро впередъ, и въ настоящее время тамъ существуетъ такое образцовое бальнеологическое заведеніе, подобнаго которому нѣтъ другаго въ Россіи, да и въ Западной Европѣ найдется немного. Общее количество воды всѣхъ трехъ источниковъ (Богатырскаго, Змѣинаго и Золотушнаго) равняется 86,000 ведрамъ въ сутки. Температура отъ 37 до 33° R. Одно изъ важнѣйшихъ усовершенствованій здѣшняго гидротерапевтическаго заведенія, это—превосходное устройство холодильника. Вода Богатырскаго источника чрезъ герметически закрытыя трубы поступаетъ въ четыре глухія цементныя камеры. Въ каждой камерѣ

труба съ минеральной водою омывается холодной ключевой водою и вслѣдствіе этого охлаждается ровно на четыре градуса, такъ что изъ первой камеры получается въ 33°, изъ второй въ 29° и т. д. Такимъ образомъ въ ванное зданіе поступаетъ минеральная вода въ своей первоначальной температурѣ 37° и четырехъ охлажденныхъ температуръ, изъ коихъ послѣдняя доходитъ до 21°.

Недалеко отъ холодильника находится главное зданіе, въ которомъ помѣщаются 32 ванны и которое мнѣ удалось обозрѣть подробно, благодаря любезности д-ра И. О. Тячкина, уроженца Архангельской губ. Впереди зданія раскинутъ скверъ, еще очень молодой, съ большимъ круглымъ фонтаномъ. Наружный видъ этого невысокаго помѣщенія для ваннъ, построеннаго изъ мѣстнаго дикаго камня, не производитъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Оно не можетъ идти ни въ какое сравненіе, напр., съ грандіознымъ мраморнымъ „водянымъ дворцомъ“ Баденъ-Бадена, но за то внутри оно производитъ превосходное впечатлѣніе чистотою, комфортомъ и даже роскошью. Посрединѣ зданія высокій залъ для ожидающихъ; здѣсь имѣются двѣ—три газеты.

Ванны раздѣлены широкимъ свѣтлымъ корридоромъ и въ каждой изъ нихъ много воздуха, благодаря образцовой вентиляціи. Ванны мраморныя, мебель покойная, полы тометовые паркетные (тометовые). Вездѣ вы видите слѣды заботъ знающаго и любящаго свое дѣло врача. Укажу на два примѣра. Въ каждую ванну проведены пять трубъ для воды пяти вышеуказанныхъ температуръ (отъ 37° до 21°), но тутъ же имѣется показатель, какъ при большемъ или меньшимъ поворотѣ крановъ можно въ указанныхъ выше предѣлахъ получить воду любой температуры. Другое приспособленіе: больной, сидя въ ваннѣ, имѣетъ возможность слѣдить за температурою. Термометры, зеркала, никелированныя ручки у дверей—все изящно и блеститъ. Словомъ, вездѣ видна рука любителя, ставившаго дѣло на широкую ногу, а не афериста или эксплоататора.

Кромѣ обыкновенной можно принять ванну съ проточною минеральною водою; сверхъ того имѣются всевозможныхъ видовъ и температуръ души, а также ванны паровыя, электрическія, ингалляція раздробленною водою и пр. Цѣны ваннъ колеблются отъ двухъ рублей (привилегированный номеръ съ проточною минераль-

ною водою) до ванны за 10 к. въ отдѣленіи для неимущихъ.

Остается сказать два слова о качествѣ Абасъ-Туманскихъ минеральныхъ водъ; но не легко сказать эти два слова. Дѣло въ томъ, что вопросъ о „минерализаціи" этихъ водъ давно уже служитъ предметомъ самыхъ оживленныхъ контроверзъ и препирательствъ между кавказскими врачами. Въ 60-хъ годахъ Абасъ-Туманскія воды относили къ солено-сѣрно-щелочнымъ (см. брошюру Ананова „Абасъ-Туманскія минеральныя воды", Тифлисъ, 1870 г.); въ 80-хъ годахъ стали относить ихъ къ сѣрно-щелочнымъ (см. брошюру д-ровъ Штальберга и Гопадзе), а затѣмъ и вовсе отвергать или сводить почти къ нулю ихъ минерализацію. Д-ръ Реммертъ въ засѣданіи кавказскаго медицинскаго общества выразился такъ: „Коль скоро рѣчь заходитъ о 0,00071 части грамма сѣры на 10,000 граммъ воды, то тутъ мы приближаемся къ гомеопатическимъ дозамъ, и во всякомъ случаѣ не можемъ приписывать значительнаго вліянія на больной организмъ такой минимальной минерализаціи, а должны непремѣнно принять во вниманіе другія условія лѣченія, какъ напр., самое важное — тем-

пература воды, затѣмъ мѣстность, ея климатъ“ (см. протоколъ Общества, цитир. въ брошюрѣ д-ра Бабаева). Послѣ преній происходившихъ въ этомъ Обществѣ, Абасъ-Туманскія минеральныя воды были признаны индифферентными. Терминъ этотъ проникъ въ публику и произвелъ большую сенсацію, слово индифферентный стали отождествлять съ словомъ „безразличный“ или безполезный, что сильно вредило репутаціи водъ.

Для разъясненія этого вопроса д-ръ Бабаевъ 1-го ноября 1883 года читалъ въ кавказскомъ медицинскомъ Обществѣ докладъ, въ которомъ старался возстановить репутацію Абасъ-Туманскихъ водъ, если не въ первоначальномъ ихъ видѣ, то хоть въ новомъ. Указывая на существованіе такихъ индифферентныхъ термальныхъ водъ съ громкою извѣстностью (Вильдбатъ въ Шварцвальдѣ, Шлангебадъ въ Висбаденскомъ округѣ и особенно знаменитый Гаштейнъ, излюбленный курортъ покойнаго императора Вильгельма), референтъ приходилъ къ заключенію, что отсутствіе минерализаціи въ Абасъ-Туманскихъ водахъ не можетъ вліять неблагопріятно на ихъ будущность, а только указываетъ на необходимость новой постановки

дѣла. Эти воды полезны для разслабленныхъ, конвалесцентовъ и для нервныхъ, но для этого необходимо устройство бальнеологическаго заведенія со всѣми новѣйшими приспособленіями и усовершенствованіями для лѣченія теплыми и холодными водами. Къ этой цѣли вѣроятно и стремилась администрація Абасъ-Туманскихъ „термальныхъ“ водъ, устраивая то бальнеологическое заведеніе, которое описано выше.

Итакъ, въ итогѣ приходится отмѣтить, что volens-nolens слѣдуетъ разжаловать Абасъ-Туманскія воды изъ минеральныхъ въ... теплыя индифферентныя. Но чтобы не употреблять этого „шокирующаго“ термина, смущающаго профановъ, не посвященныхъ въ таинства эскулапова искусства, г. Бабаевъ не безъ остроумія предлагаетъ назвать эти воды „во избѣжаніе путаницы понятій для публики“ Абасъ-Туманскими „термальными“ водами. Попросту это значитъ „теплыя“ воды, а все-же нельзя не согласиться, что терминъ „термальный“ звучитъ несравненно внушительнѣе и и утѣшительнѣе, чѣмъ терминъ „индифферентный“, какъ бы заранѣе обрекающій воды на безсиліе. Названіе и вообще „нравственный“,

чтобы не сказать дипломатическій элементъ, словомъ честный обманъ, pia fraus, издавна играли важную роль въ медицинѣ; вѣра и надежда больнаго всегда были сильными помощницами у слабосильной самой по себѣ медицины. Если это положеніе правильно вообще, то вдвойнѣ правильно относительно страдающихъ нервными болѣзнями. Вотъ почему, мы думаемъ, слѣдуетъ по предложенію Бабаева называть теплыя Абасъ-Туманскія воды „термальными“.

Но какъ ни важно для невропатиковъ нравственное воздѣйствіе медицины, едва ли меньшую роль могутъ играть другія обстоятельства, имѣющія сильное вліяніе на ходъ и исходъ лѣченія, а именно: обстановка или условія жизни. Съ этой стороны Абасъ-Туманъ, какъ и всѣ безъ изъятія наши курорты, не исключая и модныхъ Кисловодска, Эссентуковъ, Ялты и пр., оставляетъ желать многаго и очень многаго. Дороговизна дѣлаетъ эти мѣста недоступными и для людей съ среднимъ достаткомъ; но даже и при этой дороговизнѣ вы не можете разсчитывать получить хоть первые элементы всякаго курорта: чистый воздухъ, чистую постель и простую, но пита-

тельную пищу, мѣста для прогулокъ и немного развлеченія.

IV.

Абасъ-Туманъ, какъ гидротерапевтическій курортъ, служитъ еще или, лучше сказать, могъ бы служить весьма удобною „климатическою станціею“. Данныхъ для рѣшенія этого вопроса пока мало (метеорологическая станція, дѣлающая наблюденія въ Абасъ-Туманѣ, существуетъ всего только съ ноября 1884 г.), но тѣ, которыя собраны въ брошюрѣ д-ра г. Кадкина („Абасъ-Туманъ, какъ станція для грудныхъ больныхъ“), заслуживаютъ полнаго вниманія.

По мѣстоположенію очень высокому (4,270 футовъ) Абасъ-Туманъ весьма пригоденъ для чахоточныхъ больныхъ. Благопріятному ходу болѣзни содѣйствуетъ и легкость воздуха, и сравнительная его чистота. Въ рѣчи своей, произнесенной въ 1881 году, въ Тифлисѣ, проф. Вирховъ, посѣтившій Абасъ-Туманъ и выбравшій его здѣсь даже мѣстомъ для будущей климатической станціи, указывалъ, что на горныхъ высотахъ отсутствуютъ тѣ маленькія, но ужасныя существа (такъ-называемые ко-

ховскія бациллы), которыя играютъ такую важную роль въ легочныхъ болѣзняхъ. Въ 1886 г. производилось изслѣдованіе относительно микроорганизмовъ, содержащихся въ воздухѣ Абасъ-Тумана, но къ сожалѣнію данныя эти не приведены въ брошюрѣ г. Кадкина. Одно можно сказать, что если такіе несовершенные аппараты, какъ человѣческій носъ и глазъ, обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ внизу, въ долинѣ, явные признаки нечистоты воздуха, то это показываетъ, что въ этомъ отношеніи еще остается сдѣлать очень многое, чтобы привести воздухъ Абасъ-Тумана въ уровень съ спеціальными требованіями медицины для страждущихъ легкими. Что касается высокихъ горъ, окружающихъ Абасъ-Туманское ущелье и наполненныхъ благоуханіемъ сосноваго аромата и недоступныхъ порчѣ, то онѣ конечно составляютъ исключеніе. Тутъ чистота воздуха, если не такая абсолютная, какъ та, которую Пастеръ наблюдалъ на альпійскихъ ледникахъ, все-таки вполнѣ обезпечена. И, вѣроятно, прогулкамъ по этимъ высотамъ, не очень крутымъ и далекимъ, обязаны абасътуманскіе больные своимъ облегченіемъ или выздоровленіемъ.

Для климатической станціи первенствующую роль играютъ данныя относительно колебаній температуры, направленія вѣтровъ, влажности и пр. Метеорологическія данныя не совсѣмъ подтвердили тѣ черезчуръ розовыя надежды, которыя возлагались на Абасъ-Туманъ. Конечно, по недостатку матеріаловъ еще рано дѣлать окончательные выводы, но, кажется, будетъ не безъинтересно привести изъ означенной брошюры г. Кадкина нѣкоторыя черты, которыми онъ характеризуетъ климатъ Абасъ-Тумана на основаніи имѣющихся матеорологическихъ данныхъ. Вотъ эти выводы:

a) Климатъ Абасъ-Тумана принадлежитъ къ умѣреннымъ; средняя температура его приближается къ температурѣ мѣстъ западной Россіи; лѣтняя жара умѣряется сосѣдствомъ съ влажной долиною Ріона; разницы въ температурѣ дня и ночи, холоднаго и жаркаго времени года, достигаютъ высокихъ цифръ.

b) Колебанія барометра въ теченіе дня въ среднемъ очень незначительны, хотя по мѣсяцамъ они достигаютъ высокихъ цифръ.

c) Колебанія въ количествѣ влаги въ воздухѣ днемъ и ночью также значительны; климатъ Абасъ-Тумана можно причислить къ умѣ-

ренно-влажнымъ, но въ смыслѣ врачебномъ, въ виду малаго содержанія влаги въ теченіе дня и повышенія ея только къ вечеру и ночью, можно причислить его къ сухимъ.

d) Сила вѣтровъ незначительна; но относительно большему безвѣтрію и по количеству ясныхъ дней зима здѣсь стоитъ на первомъ мѣстѣ.

Въ общемъ г. Кадкинъ склоняется къ тому мнѣнію, что въ Абасъ-Туманѣ можно было бы устроить рядомъ съ лѣтнею станціею очень хорошую зимнюю климатическую станцію на подобіе Давосплатца въ Граубинденѣ, находящагося въ однородныхъ условіяхъ съ Абасъ-Туманомъ. Но это вопросъ будущаго и, кажется, довольно отдаленнаго; для ближайшаго же времени уже и то было бы достаточнымъ прогрессомъ, если бы больные находили болѣе гигіеническую обстановку и болѣе доступныя по цѣнамъ условія жизни, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ нынѣ.

ЗЕКАРСКІЙ ПЕРЕВАЛЪ

(1887 г.)

Глава шестая.

Въ преддверіи пламенной Колхиды.

Одинъ московскій пріятель, напутствуя меня на Кавказъ, въ видѣ прощальнаго завѣта, сказалъ мнѣ слѣдующее: быть въ Абасъ-Туманѣ и не полюбоваться на Зекарскій перевалъ не только грѣшно, но и преступно. Послушный дружескому наставленію, тотчасъ по пріѣздѣ въ Абасъ-Туманъ *) сталъ я собираться на эту экскурсію и собирать свѣдѣнія о времени и способахъ передвиженія. Изъ распросовъ мѣстныхъ жителей выяснилось (къ этому первобытному способу пришлось обратиться

---

*) Горный водолѣчебный курортъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, въ 100 верстахъ отъ Михайловской станціи Закавказской жел. дороги, въ 70-ти верстахъ отъ м. Боржома.

за неимѣніемъ свѣдѣній по этому предмету даже въ прекрасной справочной книгѣ „Кавказскомъ календарѣ“), что черезъ Зекарскій перевалъ существуетъ безпрерывная шоссейная дорога до самаго Кутаиса (верстъ 90), начатая въ 50-хъ годахъ и оконченная въ 1881 году, что по ней не открыто еще почтоваго движенія, но ходятъ фаэтоны рублей за 25—30 отъ Абасъ-Тумана до Кутаиса. Пугали „качагами“ (разбойниками), но разбойниковъ бояться — на Кавказъ не ѣздить. Пугали также и холодами, снѣгомъ, а главное тѣмъ, что дожди, лившіе въ половинѣ сентября, совершенно испортили полотно дороги и снесли мосты. Эти препятствія были посерьезнѣе и могли остудить самый жаркій туристическій пылъ.

Я уже совсѣмъ-было оставилъ мысль о поѣздкѣ на Зекарскій перевалъ, какъ вдругъ sa majesté le hasard, счастливый случай, неожиданно бросилъ мнѣ благосклонную улыбку. Въ началѣ октября погода стала поправляться. Настали ясные, теплые дни и даже ночи. Въ Абасъ-Туманѣ (4,000 фут.) ночью можно было выходить въ лѣтнемъ пальто. Затѣмъ съ пути стали приходить извѣстія, что поврежденія, за исключеніемъ Багдадскаго

моста, не представляютъ особенныхъ препятствій. Вдобавокъ инженеры-путейцы собирались на перевалъ для осмотра пути.

Дальнѣйшее колебаніе было бы непростительнымъ малодушіемъ. Я рѣшился ѣхать на Зекарскій перевалъ.

I.

Было 5 часовъ утра, когда „московская“ коляска, гремя бубенчиками и трензелями, подкатила къ гостиницѣ Мирокова. Наскоро одѣвшись и напяливши на себя все что́ было теплаго съ собою, я съ двумя спутницами поспѣшилъ отправиться въ путь. Спѣшили же по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ хотѣли къ восходу солнца быть у высшей точки перевала (что́, къ сожалѣнію, не удалось), а во-вторыхъ хотѣлось еще до заката за-свѣтло попасть къ рѣкѣ Багдаду, чрезъ которую, вслѣдствіе порчи моста, приходилось имѣть не совсѣмъ безопасную переправу въ бродъ. Эта послѣдняя цѣль была вполнѣ достигнута.

Все абасъ-туманское населеніе спало тѣмъ безмятежнымъ, глубокимъ, здоровымъ предразсвѣтнымъ сномъ, который навѣваетъ благорастворенный воздухъ этого горнаго плато и

за которымъ слѣдуетъ столь пріятное, здоровое и жизнерадостное пробужденіе. Въ этой сладкой истомѣ предразсвѣтной нѣги какъбудто угомонилась даже неутомимая, рѣзвая шалунья рѣчка—Абастуманка, которая едва слышно бѣжала по каменистому ложу, какъбы боясь своимъ неумѣстнымъ шумомъ нарушить господствующую кругомъ торжественную тишину и таинственный полумракъ.

Лѣса, горы, дачи и все ущелье исчезало въ дымкѣ темно-зеленаго флера-тумана. За-то надъ головою извивалась, словно лука большой рѣки, усѣянная звѣздами узкая полоса неба, пересѣкаемая по серединѣ бѣлесоватымъ пятномъ млечнаго пути. Можно было подумать, что силою волшебства очутились мы подъ сводомъ колоссальнаго храма съ высокими арками и расписаннымъ звѣздами плафономъ.

Когда стали приближаться къ концу ущелья, привыкшій уже къ темнотѣ глазъ сталъ понемногу различать контуры отдѣльныхъ дачъ. Стоящая при выходѣ изъ ущелья дача устроителя Абасъ-Тумана д-ра Реммерта уже вполнѣ явственно вырисовывалась своими мавританскими окнами и колонками.

Какъ только выѣхали мы за черту Абасъ-Ту-

мана, возница нашъ Оханесъ, оказавшійся ахалцихскимъ армяниномъ, сразу обнаружилъ свои профессіональныя дарованія. Признаться, не безъ сильной тревоги вручили мы свою судьбу этому 19-лѣтнему приземистому „фаэтонщику" съ едва пробивающимися усиками. Этотъ черномазый, ловкій, юркій, веселый, подвижный, но на видъ довольно тщедушный гишпанецъ съ ахалцихскаго плоскогорья, казалось, больше призванъ на амплуа Фигаро, нежели для управленія четверкою крѣпкихъ, сытыхъ, сильныхъ лошадей, катившихъ по безчисленнымъ поворотамъ, подъемамъ и спускамъ грузный московскій фаэтонъ. Но страхи наши оказались лишенными всякаго основанія. Только мы выѣхали за дачу Реммерта, какъ Оханесъ, молодецки накренившись на правый бокъ и высоко помахивая правою рукою кнутомъ надъ головою, сначала присвистнулъ какимъ-то особеннымъ ласкающимъ присвистомъ,—руладою, а затѣмъ, прикрикнувъ „голюю-югюни", сопроводилъ свое обращеніе ораторскимъ жестомъ по направленію къ лошадямъ. Вѣроятно, онѣ только и ждали этого знакомаго и пріятнаго дружескаго возгласа-приглашенія. Жадно вбирая свѣжій горный воздухъ, понеслись круп-

ною, веселою рысью сытенькія и холеныя лошадки, спокойно и самоувѣренно огибая извивы дороги и осторожно ступая у края шоссе.

Прямою противоположностью Оханеса былъ его помощникъ и рабочій, 25-ти-лѣтній неповоротливый верзила, армянинъ изъ Карса. Это былъ чистый типъ кавказскаго лаццарони, одежда котораго представляла собою любопытный образчикъ мягкой шерстяной мозаики изъ лоскутовъ. Сонный, вялый, съ разинутымъ ртомъ, съ неподвижнымъ лицомъ, на которомъ только глаза еще сохранили остатки тлѣющаго южнаго жара,—это было какое-то ходячее олицетвореніе тупой лѣности. Сидѣлъ ли онъ, стоялъ ли онъ, ему точно лѣнь было носить свой высокій станъ, который онъ старался изогнуть въ три погибели.

Но кони несутся и прочный „московскій" экипажъ (гордость Оханеса), плавно раскачиваясь на рессорахъ, достигъ уже Воротъ Очарованія. Это—цѣпь горныхъ ущелій, покрытыхъ соснами. Боковыя ущелья сходятся изломанными линіями, подъ острыми углами, къ одному центру и, омываясь горными рѣчками и небольшими каскадами, образуютъ красивую картину. Видъ довольно красивый, но

названіе до такой степени несоразмѣрно притязательно, что иные называютъ это мѣсто Воротами Разочарованія.

На 8-й верстѣ, оставивъ влѣво Ворота Очарованія мы стали взбираться на подъемъ, который тянется на 10 слишкомъ верстъ, до высшей точки перевала, возвышающейся на 3,000 слишкомъ футовъ надъ Абасъ-Туманомъ. Послушные кони рѣзво взбѣгаютъ на крутые подъемы и только при поворотахъ они съ такимъ же послушаніемъ замѣдляютъ свой шагъ. Температура по мѣрѣ подъема падала чувствительно, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ мы боялись. Только предъ самымъ восходомъ солнца, по обыкновенію, подулъ съ востока холодный вѣтерокъ, и окружавшіе насъ лѣса, какъ бы встрепенувшись отъ холоднаго поцѣлуя зари, стали понемногу сбрасывать съ себя окутавшій ихъ мракъ и туманъ. Благодаря полумраку, стволовъ почти не видно, такъ-что хвойныя коронки, какъ бы сливаясь вмѣстѣ, представляли собою сплошной чешуйчатый волнистый покровъ. Сосна почти неизмѣнно слѣдуетъ на всемъ протяженіи пути. Она не достигаетъ здѣсь такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ въ мѣстности Боржома, но

за то занимаетъ громадныя площади или, лучше сказать, кругомъ одѣваетъ конусообразныя вершины горъ и наполняетъ воздухъ сильнымъ и ласкающимъ ароматомъ смолистыхъ испареній.

По мѣрѣ того какъ поднимались мы, съ правой стороны отъ насъ поднималось невидимое, но ясно ощущаемое дневное свѣтило. Все улыбалось, все радовалось ему, все спѣшило къ нему навстрѣчу и одѣвалось въ веселыя краски. Когда же выступившій за гребень горной цѣпи сегментъ солнца залилъ свѣтомъ зеленые хребты горъ, все живое, въ томъ числѣ и растенія, затрепетало отъ прилива жизненныхъ силъ. Стоявшіе передъ нами, подъ нами и надъ нами лѣсные великаны, стоявшіе передъ тѣмъ молчаливые и угрюмые, омываемые лѣнивою струею соннаго ручья, словно переродились. Словомъ, воочію пришлось наблюсти прелестную картину, описанную поэтомъ:

Въ глухой полночный часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ же лѣсъ взгляни:
Не тѣ же ль предъ тобой шумятъ деревьевъ кущи?
Не тотъ же ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя бъ одной волной, одною вѣткой лѣсъ?

Но ты ихъ не узналъ—ихъ солнце освѣтило:
И волны ожили, и каждый листъ воспрялъ,
И все, что въ нѣдрахъ тьмы таилось сокровенно,
Ликуя, родилось передъ лицо вселенной.

II.

Часамъ къ 7-ми мы уже были на высотѣ 6,000 футовъ. Мы остановились, чтобы оглянуться на открывающуюся позади насъ, на южной сторонѣ, обширную и разнообразную картину. На самомъ концѣ горизонта подпирала небеса невысокая цѣпь Ардаганскихъ горъ, слегка подернутыхъ снѣжною каймою, а передъ нами растилалась глубокая зеленая котловина, пересѣкаемая въ разныхъ направленіяхъ лучистыми долинами, покрытыми хвойными лѣсами. Заканчивалась эта котловина печальною картиною „лѣснаго кладбища“, лежащаго у нашихъ ногъ. Да, это дѣйствительно было кладбище. Торчащіе на громадномъ протяженіи, на подобіе черныхъ могильныхъ крестовъ, обуглившіеся пни недавно еще (лѣтъ 10 тому назадъ) могучаго сосноваго бора свидѣтельствовали о преступной небрежности человѣка, способнаго одною искрою уничтожить труды и усилія столѣтій. Виднѣвшіяся тамъ и сямъ сѣро-черныя пятна, безобразившія очер-

танія лѣсной вершины, точно разъѣдающій лицо лишай, показывали, что лѣсные пожары и тутъ бываютъ довольно часто и принимаютъ опасные размѣры.

На высотѣ 6,000 футовъ прекращаются послѣднія лѣсныя поросли. Почти на границѣ ихъ встрѣчаются „Орлиныя ворота“. Это— арка, пробитая въ скалѣ. На ней имѣются, вѣроятно, орлиныя гнѣзда, такъ какъ здѣсь всегда витаютъ орлы. При нашемъ приближеніи три громадныхъ орла молча поднялись и направились въ небесную высь. Эти хищные человѣконенавистники, живущіе на счетъ человѣка и все-таки презирающіе его, не выносятъ вида человѣка.

На границѣ лѣснаго царства начинается область альпійскихъ равнинъ. Сочная влажная трава покрывала все пространство, доступное зрѣнію. Мѣстами еще лежали въ разщелинахъ послѣдніе остатки растаявшаго снѣга. Иней, расплавленный теплыми лучами восходящаго солнца, матовыми росинками, словно жемчугомъ, покрывалъ изумрудные луга.

Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ надо мной,

Сквозь нихъ, низвергаясь шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады,
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

Къ 8-ми часамъ мы достигли на 18-й верстѣ высочайшей точки Зекарскаго перевала—8000 футовъ слишкомъ (Гудаурскій перевалъ на Военно-грузинской дорогѣ не превышаетъ 7,300). Тутъ, на гребнѣ перевала, почти всегда бушуютъ вѣтры. Сильныя воздушныя теченія, идущія съ двухъ противоположныхъ сторонъ перевала, устраиваютъ здѣсь себѣ неизбѣжное rendez-vous и въ неодолимомъ стремленіи одолѣть противника нерѣдко уничтожаютъ другъ друга въ отчаянной схваткѣ, результатомъ чего бываютъ головокружительные турбильоны, сопровождаемые страшнымъ гуломъ и свистомъ. Подъ эту гулкую, но пріятную симфонію, производимую двумя противоборствующими атмосферными великанами, мы стали спускаться по сѣверному склону Зекарскаго перевала.

Не успѣли отъѣхать и версты, какъ предъ нами открылась восхитительная картина. Солнце уже поднялось довольно высоко, но намъ его не было видно. Оно было позади насъ, и

мы очутились въ тѣни, но за-то все лежащее передъ нами необъятое пространство залито было золотистымъ блескомъ, горѣвшимъ на выполированномъ инеемъ и росою (смотря по высотѣ мѣстоположенія) безконечномъ лиственномъ морѣ. Казалось, что предъ нами, по мановенію волшебнаго жезла, поднялась завѣса, скрывавшая солнце. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ наведенъ этимъ обстоятельствомъ на довольно остроумное объясненіе самаго названія мѣстности. Зекари или мзекари означаетъ на грузинскомъ языкѣ „солнечныя ворота“, что̀ можетъ имѣть также и тотъ смыслъ, что здѣсь открывается дверь въ полуденную страну, въ пламенную Колхиду.

III.

Начинаемъ свой спускъ по южному склону перевала, тянущійся почти 50 верстъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ паденія полотна дороги, достаточно слѣдующихъ данныхъ. Пользующійся столь громкою извѣстностью Гудаурскій перевалъ Военно-Грузинской дороги въ высшей точкѣ достигаетъ 7,300 фут. и до ближайшей станціи Млеты спускается только до 4,850, т. е. на 2,500 фут., а до Пассана-

ура еще 1,300 фут. Между тѣмъ Зекарскій перевалъ начинается съ 8,000 слишкомъ фут. и въ долинахъ Багдада и Ріона достигаетъ почти уровня моря. Такимъ образомъ на каждую версту здѣсь приходится слишкомъ 150 фут. паденія. Вслѣдствіе этого шоссе здѣсь гораздо круче Военно-грузинской дороги, которую, кажется не безъ основанія, упрекаютъ въ нѣкоторомъ излишествѣ обходовъ и загибовъ, въ особенности между Гудауромъ и Млетами. Но главное и неизмѣримое преимущество Зекарской дороги, это—ея необыкновенное богатство, разнообразіе и роскошь растительности. Начиная отъ рѣчки Цхра-мухли (девять колѣнъ или уступовъ) и до р. Багдада Зекарская дорога носитъ на хребтахъ своихъ представителей всѣхъ широтъ, начиная отъ холоднаго пояса и кончая тропиками, начиная отъ сосны, ели и угрюмо съежившагося понтійскаго рододендрона и кончая дико ростущими лаврами и кавказскими пальмами. Это точно самою природою воздвигнутый ботаническій садъ или музей, гдѣ въ нестройномъ, но живописномъ безпорядкѣ классифицированы несмѣтныя растительныя богатства.

Начинаемъ свой спускъ по этой восхититель-

ной долинѣ, расположенной, если вѣрно название рѣки Цхра-мухли, девятью террасами.

Свободно вздохнувъ вмѣстѣ съ своими лошадьми, почуявшими сразу, что тяжелая задача, поднятія фаэтона на 18-ти-верстный подъемъ рѣшена. Оханесъ весело замѣчаетъ, что теперь дорога кончилась. Хотя намъ оставалось до Кутаиса добрыхъ 60 верстъ (отъ Абасъ-Тумана до Кутаиса 91 верста), но, очевидно, Оханесъ зналъ, что остатокъ дороги ему ни почемъ.

Свистнувъ своимъ неподражаемымъ посвистомъ, Оханесъ далъ волю своимъ скакунамъ, и тѣ понеслись крупною рысью. Безъ тормаза, съ головокружительною быстротою, мы стремглавъ спускались по крутымъ спускамъ шоссе, за которымъ тутъ же начинаются глубокіе овраги съ каскадами и рокочущими ручейками на днѣ. Надежные кони, ловко управляемые смѣлымъ и опытнымъ возницею, легко огибаютъ повороты, быстро слѣдующіе другъ за другомъ. Дамы и нервные люди, непревычные къ горнымъ переѣздамъ, не выносятъ этой прелестной по аллюру и обстановкѣ ѣзды. Имъ можно посовѣтовать поѣздку на Зекаръ въ обратномъ порядкѣ, т. е. изъ Кутаиса на Абасъ-

Туманъ. Этотъ путь труднѣе, медленнѣе, но за то 50-ти-верстный подъемъ поневолѣ придется ѣхать шагомъ, что имѣетъ то удобство, что даетъ возможность дольше наслаждаться чудными картинами природы.

На первыхъ верстахъ южнаго спуска встрѣчаются потоки, которые, перебѣгая чрезъ шоссе, далѣе перекидываются черезъ край и низвергаются въ ущелья.

Затѣмъ очень быстро дорога дѣлаетъ поворотъ вправо, и раскрывается картина неописанной красоты. Представьте себѣ громадное лѣсное пространство, огромными грядами уходящее на югъ и имѣющее видъ равнобедреннаго треугольника, въ вершинѣ коего стоите вы. Два бока его образуются лѣсистыми горами, постепенно понижающимися волнообразною линiею. Какъ разъ напротивъ, въ концѣ горизонта, возвышается, горящая на солнцѣ, длинная снѣжная линiя. По срединѣ возвышаются могучiе конусы кавказскаго богатыря Эльборуса, которому народы Кавказа давно, но напрасно стараются подобрать достойный эпитетъ. Этого великаго тюремщика еще болѣе великаго плѣнника, Прометея, татары называютъ Ялбусъ-дагъ (позлащенная гора), чер-

*

кесы Іашхамако, казаки—Шатъ-гора и т. д.

Вправо отъ Эльборуса горитъ снѣжная цѣпь великановъ, среди которыхъ выдѣляются мощный Каштанъ-тау, суровый Дыхъ-тау и изящная равносторонняя четырехъугольная пирамида Тейгульда.

Словно великій король при своемъ grand lever окидываетъ Эльборусъ милостивымъ взглядомъ своихъ строптивыхъ вассаловъ, нѣкогда мечтавшихъ возвыситься до него или даже превзойдти его, а теперь смиренно принявшихъ жребій судьбы, возвеличившій Эльборусъ надъ всѣми кавказскими великанами.

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльборусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

IV.

Волшебная картина, описанная въ предъидущей главѣ, скоро исчезаетъ. Ее закрываетъ выступъ горъ, поднимающихъ высоко свои вершины на лѣвой сторонѣ дороги. Оно и лучше. Это обстоятельство даетъ возможность

ближе вглядѣться и всецѣло сосредоточиться на чудесахъ роскошной растительности. Сначала она какъ будто ничѣмъ не отличается отъ той, которую мы только-что видѣли на южной сторонѣ Зекарскаго перевала. Послѣ зеленѣющихъ альпійскихъ луговъ идутъ сосна и ель, а также богатые кустарники понтійскаго рододендрона. Но уже съ 20-й версты лѣса дѣлаются выше, гуще и разнообразнѣе. Попадаются грабъ, дубъ, кленъ и вязъ.

Но истиннаго великолѣпія лѣса достигаютъ съ 25-й версты и продолжается оно на протяженіи тридцати слишкомъ верстъ. Это нѣчто сказочное, невѣроятное! Словно вы попали въ укромный любимый уголокъ, съ особеннымъ тщаніемъ и любовью насажденный и воздѣланный самимъ волшебнымъ лѣснымъ царемъ. Роскошь невѣроятная! На каждомъ шагу встрѣчаются представители южной растительности: громадные кусты рододендрона, магноліи, лавровъ, азалій и даже кавказской пальмы (самшита) и дикій виноградъ, гранатныя, фиговыя деревья, на цѣлыя версты окаймляющія бока дороги. Гигантскіе буки, чинары, орѣшины и каштаны попадаются на каждомъ шагу.

Изумительна сверхъестественная, буйная продуктивность этой благодатной влажной почвы, незнающей мѣры своей производительности, незнающей, что такое засуха и неурожай. Словно десятки сѣятельницъ прошли съ полными кошницами и шаловливой рукою разбросали сѣмена, нисколько не интересуясь тѣмъ, что изъ этого выйдетъ?

А вышло, благодаря неистощимой силѣ чудной почвы и воздуха, т. е. солнца, что здѣсь мы имѣемъ рѣдкіе экземпляры европейской тропической растительности. Тутъ не одинъ, а нѣсколько рядовъ этажей растительной громады, другъ на другѣ сидящихъ и стоящихъ. Это какой-то кипящій потокъ неизсякаемой жизненности, выбрасывающей все новые и новые потоки органической жизни. Продуктами его покрыта не только земля,—они наполняютъ и воздухъ. Вотъ одинъ или два штриха этой импозантной картины. На зеленой лужайкѣ, покрытой густою травою и кустами лавра и магнолій, возвышаются величавыя орѣшины и чинары. Все, что можно было занять на землѣ, занято. Но земли оказалось недостаточно. Дикій виноградъ и кислецъ подползли украдкою къ могучимъ великанамъ и,

словно Антея, обвили каждый изъ нихъ сверху до низу густыми гирляндами своей мелкой, узорчатой листвы. Но и этого оказалось мало. Силъ единичнаго дерева стало недостаточно для прокормленія этихъ маленькихъ, но прожорливыхъ паразитовъ. Они пожелали устроить лѣсныя семьи, роды и ассоціаціи. Перепархивая съ вѣтки на вѣтку, они перекинулись отъ одного дерева до другаго и заключили съ нимъ союзъ не на животъ, а на смерть. И стоятъ эти могучія кроны словно безъ стволовъ, исчезающихъ подъ плющемъ и виноградникомъ. Въ такомъ видѣ они болѣе похожи на каменныя изваянія, на колоссальныя вазы изъ малахита, нежели на живое существо, имѣющее опору и питаніе въ почвѣ. Дохнетъ Эльборусъ своимъ могучимъ вздохомъ — и вся эта растительная семья приходитъ въ движеніе и трепетъ, и вамъ кажется, что вся эта зеленая паутина дрожитъ на воздухѣ и цѣпенѣетъ, не имѣя опоры на землѣ. Вамъ кажется — вотъ-вотъ сейчасъ оборвется это новое поколѣніе молодыхъ побѣговъ и стебельковъ, едва-едва связанныхъ съ могучимъ дѣдомъ. Но дѣдъ его выдержитъ, устоитъ: не такіе онъ видалъ виды, не такія онъ

видалъ вспышки сѣдовласаго гордаго владыки сѣвера.

V.

На 40-й верстѣ мы имѣли привалъ, чтобы дать лошадямъ отдохнуть. Тутъ стоитъ духанъ, въ которомъ можно перекусить. Всего въ двухъ верстахъ находятся Коршевскія минеральныя воды (сѣрныя), пользующіяся большою популярностью у мѣстнаго населенія. Неприхотливая бѣднѣйшая часть его только и пользуется ими. Рѣшительно нѣтъ никакихъ приспособленій для больныхъ, а между тѣмъ, судя по отзыву туземцевъ, воды эти приносятъ большую пользу, особенно золотушнымъ.

Сначала мы предполагали сдѣлать небольшую экскурсію въ лѣса, но къ 2 часамъ стало такъ жарко, что нечего было и думать идти пѣшкомъ въ гору. Пламенная Колхида дохнула на насъ своимъ жаркимъ вздохомъ. Въ тѣни доходило до 30 град. Р.,—и, совлекая съ себя зимнія принадлежности, мы только въ чесучѣ почувствовали себя хорошо.

Впрочемъ, не зачѣмъ было и ходить далеко, такъ какъ тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ ду-

хана, нашелся прелестный уголокъ, гдѣ можно было вблизи полюбоваться на красоты и пышный расцвѣтъ этой буйной растительности. Цѣпляясь за кусты лавровъ и магнолій, мы очутились у мыса, къ которому двумя каскадами сходились справа Коршевскій водопадъ, чуть теплый и съ запахомъ сѣры, а съ другой—низвергалось, выбиваясь изъ зелени чащи, одно изъ колѣнъ девятиколѣнной рѣчки Цхра-мухли. Стѣны кругомъ были въ зелени, надъ ними свѣсились старыя деревья, съ ползущими плющемъ и виноградомъ. Черезъ зеленый густой шатеръ ихъ не проникалъ ни одинъ лучъ солнца. Воздухъ былъ влажный но прохладный. Вода Цхра-мухли была холодна какъ ледъ. Словомъ, сама дѣвственная Діана не могла бы найдти лучшаго пріюта для своего грота.

Когда мы вернулись въ духанъ, то застали въ полномъ разгарѣ приготовленіе того общедоступнаго, вкуснаго, здороваго и незамѣнимаго блюда, отъ котораго приходятъ въ восторгъ и неиспорченное цивилизаціею дитя природы, кавказскій дикарь, и отецъ „раціональной гастрономіи“ Брилья-Саварэнъ,—блюда, которымъ объѣдались герои Гомера и со-

временники Расина, блюда, для приготовленія котораго нужно имѣть врожденное дарованіе (les rôtisseurs naissents, — говоритъ Саваренъ въ подражаніе классическому—poetae nascuntur). Я говорю о шашлыкѣ. Конечно, способъ приготовленія, существующій въ духанѣ нашего амфитріона — имеретина Малахіи — нѣсколько поотсталъ отъ парижскихъ rôtisseries, гдѣ посредствомъ часоваго механизма одновременно приводятся въ движеніе 10—20 параллельныхъ вертеловъ съ цѣлыми индѣйками, пулярками и пр.; но за то сколько поэзіи въ этихъ первобытныхъ пріемахъ, воспѣтыхъ еще отцомъ поэтовъ Гомеромъ, которому и предоставляю слово:

Самъ же огромный онъ (Патроклъ) лотъ положилъ у огнищнаго свѣта
И хребты разложилъ въ немъ овцы и козы утучнѣлой,
Бросилъ и окорокъ жирнаго борова, тукомъ блестящій
Ихъ Автомедонъ держалъ, разсѣкалъ Ахиллесъ благородный,
Послѣ искусно дробилъ на куски и вонзалъ ихъ на вертелъ.
Жаркій огонь между тѣмъ разводилъ Менетидъ боговидный.
Чуть же огонь ослабѣлъ и багряное пламя поблекло,
Угли разгребши, Пелидъ вертела надъ огнемъ простираетъ

И священною солью кропитъ, на ножахъ подымая,
Такъ ихъ обжаривъ кругомъ, на обѣденный столъ сотрясаетъ...

Нашъ шашлыкъ, конечно, далекъ былъ отъ этой царственной обстановки классическаго величія, по первобытной прелести въ немъ было не меньше. Не берусь судить, суждено ли было „на вышнемъ совѣтѣ“ нашего амфитріона Малахію надѣлить неоцѣненными качествами ротиссёра, но вышелъ шашлыкъ отмѣнный. Слегка только онъ отдавалъ дымомъ. Ну, да вѣдь нельзя же въ этой непроходимой глуши и требовать деликатессовъ парижскихъ rôtisseur'овъ. Впрочемъ, и не такой ничтожный изъянецъ скрасило бы явившееся вслѣдъ за шашлыкомъ воспособляющее ему волшебное пособіе, даръ счастливой Кахетіи — добрый цинондаль.

Блюдя мѣстные предвѣчные законы гостепріимства, мы пригласили раздѣлить нашу трапезу и всю находившуюся въ духанѣ честную компанію. Вспоенные слабыми имеретинскими водянистыми винами, сыны изнѣженной Колхиды, этой кавказской Капуи, весьма скоро обнаружили слѣды вліянія произведенія кавказской Бургундіи, мощной Кахетіи. Послѣ

втораго же стакана языки развязались, голосовыя струны натянулись и потянулась однообразная, печальная, заунывная даже въ веселыхъ мелодіяхъ грузинская пѣсня. Темою ея было то, что

. .ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

Одинъ стройный гуріецъ, красиво задрапированный башлыкомъ, пустился даже въ плясъ. Ноги ему плохо повиновались, но врожденная грація выручала его изъ затруднительнаго положенія. Послѣ довольно продолжительнаго топтанья на мѣстѣ, онъ кончилъ свое неудачное, но вполнѣ приличное хореографическое упражненіе.

Двое другихъ—бѣлокурый имеретинъ и черномазый мингрелецъ, изъ коихъ послѣдній былъ совсѣмъ пьянъ—резонерствовали на тему о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ того и другаго племени, коихъ гордыми представителями они являлись. Имеретинъ, содержатель духана, упрекалъ мингрельцевъ въ томъ, что тѣ совсѣмъ не умѣютъ пить.

— Мнѣ вотъ и цѣлая тунга (кварта) нипочемъ,—гордо бросилъ вызовъ имеретинъ.

Мингрелецъ пробовалъ постоять за свое пле-

менное достоинство, но, видя, что онъ своею особою являетъ слишкомъ убѣдительное „вещественное“ доказательство словъ противника, скоро примолкъ.

Ободренный дешевыми лаврами, соотечественникъ Медеи перешелъ въ рѣшительное наступленіе и сталъ бросать противнику „крылатыя“ рѣчи.

— Да что съ тобою толковать, — замѣтилъ онъ презрительно противнику: — мингрельцы всѣ отъявленные воришки.

Сначала это дерзкое обвиненіе повидимому афраппировало мингрельца. Но когда противникъ сталъ исчислять случаи, какъ, подъ покровомъ ночи, какіе-то Китесы, Мельхиседеки, Соломоны уводили лошадей, или отрѣзывали вещи у фаэтоновъ и фургоновъ, споръ неожиданно прекратился.

— Въ ночное время,—замѣтилъ спокойно мингрелецъ,—въ ночное время—это дѣло другаго рода.

Такъ кончился диспутъ сыновъ природы, напоминавшій сцену изъ „Иліады“.

VI.

Отъ Кершаветскаго духана дорога идетъ такимъ же роскошнымъ, душистымъ паркомъ, какъ и до него. На ряду съ дикою богатою растительностью тропической зоны попадаются уже и плоды высшей садовой культуры — виноградъ, фига, гранатъ, айва. Встрѣчаются высокіе, пышные посѣвы кукурузы. Вѣнчающіе ихъ пучки развѣваются словно султаны многоголовой арміи.

Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ:
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ;
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобно дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.

По пути встрѣчается нѣсколько селеній. Изъ нихъ самое значительное Багдадъ, небольшой судебно-административный центръ. Въ былое время это былъ очень важный торговый пунктъ и складочное мѣсто для товаровъ, шедшихъ изъ Европы въ Азію. Теперь это не больше какъ большое имеритинское село или

утопающій въ зелени виноградниковъ и каштановъ посадъ. Широкая длинная улица, обстроенная невысокими домами съ плоскими крышами, тянется черезъ весь посадъ. Подъ навѣсами па открытомъ воздухѣ сапожники точаютъ сапоги, портные шьютъ черкески и папахи изъ знаменитыхъ курпе, а хлѣбопеки пекутъ хлѣбъ, время отъ времени опускаясь въ огненную пещь (торпэ), къ стѣнкамъ коей они прибивали руками куски тѣста. Какова бываетъ температура въ этой огненной пещи, можно судить потому, что пекаря подвязываютъ себѣ усы, чтобы не спалить ихъ на огнѣ.

У Багдада почти кончается знаменитый Зекарскій перевалъ, на 60-й верстѣ отъ Абасъ-Тумана. Такимъ образомъ полотно дороги, на протяженіи 40 съ чѣмъ-то верстъ, падаетъ съ 8,000 футовъ почти до уровня моря.

У Багдада переброшенъ черезъ бурную рѣку того же названія мостъ. Лившіе передъ тѣмъ проливные дожди испортили мостъ, поэтому фаэтонъ нашъ переправился въ бродъ. Нужна сила, выносливость, смѣтливость и самообладаніе кавказскихъ лошадей, чтобы совершать эти головокружительныя переправы по каме-

нистому дну и черезъ шумящія быстрины, отъ которыхъ съ первыхъ же шаговъ начинаетъ рябить въ глазахъ и кружиться голова. По крайней мѣрѣ таково было наше ощущеніе, когда мы постились per pedes apostolorum черезъ бревна разрушеннаго моста.

За рѣкою Багдадомъ начинается новое лѣсное царство, полное прелести и очарованія. Казалось, что̀ новаго могла дать природа послѣ пройденнаго пути съ сказочнымъ растительнымъ великолѣпіемъ? А все-таки эта всесильная волшебница съумѣла показать, какъ она неистощима на изобрѣтеніе новыхъ эффектовъ и чудныхъ сочетаній. За Багдадомъ начинается знаменитый великолѣпный Аджаметскій лѣсъ, не такъ давно принадлежавшій казнѣ; отъ нея онъ былъ полученъ въ даръ бывшимъ помощникомъ намѣстника кавказскаго кн. Святополкомъ - Мирскимъ, который продалъ его московскому богачу И. С. Ананову.

Этотъ знаменитый въ исторіи Имеретіи лѣсъ тянется почти до самаго Кутаиса, на 10—15 верстъ въ длину. Шоссейная дорога въ одномъ направленіи, а Ріонъ въ противоположномъ разрѣзываютъ на части это несмѣтное богат-

ство. Лѣсъ почти исключительно дубовый. Это въ полномъ смыслѣ дубовое царство, въ которомъ попадаются деревья всѣхъ возрастовъ, начиная отъ столѣтнихъ дѣдовъ, увитыхъ зелеными кудрями плюща и винограда, и кончая дубомъ-младенцемъ, въ видѣ двухъ листьевъ-близнецовъ, суетливо появляющихся на свѣтъ Божій. Прямая, какъ стрѣла, аллея, тянущаяся на безконечное пространство, ведетъ васъ точно по колоссальному, искусственно насажденному руками гигантовъ парку. Несмотря на сплошныя зеленыя массы однороднаго лѣса, природа-чаровница съумѣла и сюда внести разнообразіе. Благодаря разницѣ въ возрастѣ, какъ будто мѣняется и характеръ лѣса. Тутъ вы видите старый дубъ, современникъ Тамары, отжившій свой вѣкъ. Пора бы ему на покой, пора бы перестать заживать чужой вѣкъ. Но нѣтъ: этотъ окоченѣвшій и почернѣвшій остовъ своими сухими сучьями, словно сухими дланями, съ озлобленіемъ бьющій въ пустые корни, не хочетъ знать законовъ природы, не хочетъ дать мѣста новымъ силамъ, новымъ вѣяніямъ, новому молодому поколѣнію. Но не ему сдержать неудержимую жизненную энергію,—молодые дубы

превозмогаютъ безсильное противодѣйствіе отжившихъ дѣдовъ и во всей силѣ и красотѣ стройно выстраиваются вокругъ этого забытаго трупа.

Замѣчательно красивы поперечныя просѣки, вытянувшіяся направо отъ шоссе на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Уходя въ далекія перспективы, эти правильныя, сливающіяся въ концѣ верхами зеленыя стѣны напоминаютъ своды грандіознаго готическаго храма. Въ концѣ просѣки вырисовывается величавая глава могучаго Каштантау. Заходящее солнце залило его блестящую крону пучками огненныхъ лучей. Придвинутый, вслѣдствіе оптическаго обмана, гораздо ближе дѣйствительности, мощный конусъ Каштантау какъ бы вѣнчалъ зеленую арку этого чуднаго храма природы. Этой эффектной картины невозможно забыть!

Когда мы приближались къ Кутаису, солнце уже было очень близко къ горизонту. Намъ открылась съ лѣвой стороны картина инаго рода. Позади насъ возвышался, уходя вдаль, массивъ девяти-колѣннаго Зекарскаго перевала. Какъ продолженіе его, чуть замѣтными спусками, окрашенными въ свѣтло-лиловый

оттѣнокъ, спускались Кабулетскія горы до самаго моря. По сю сторону горъ открывалась необъятная Ріонская равнина, на которой, растянувшись стальною змѣей, Ріонъ подходилъ къ морю смирный остепенившійся послѣ буйныхъ молодыхъ порывовъ и страстей оставленныхъ въ горныхъ ущеліяхъ. А на самомъ краю горизонта, гдѣ разливалось пурпуровое золотистое море, образуемое догарающими лучами заходящаго свѣтила, глазъ видѣлъ или, точнѣе сказать, угадывалъ по поднимающимся парамъ могучее дыханье вѣчно-живаго океана-моря, Чернаго моря.

Уже совсѣмъ смеркалось, когда мы подъѣхали къ станціи Ріонъ Закавказской жел. дороги, пересѣкающей Аджаметскій лѣсъ и обезпечивающей ему сбытъ его продуктовъ. Какъ и всегда на Югѣ, сумерки продолжались недолго, и мы въ потьмахъ проѣхали остатокъ Аджаметскаго лѣса. Не видно было ничего въ двухъ шагахъ. Темные, костлявые силуеты мрачной дубравы такъ и лѣзли въ глаза. Мысль невольно уходила въ себя и невольно настраивалась печально. Вспоминалось и слышанное, и читанное объ этомъ завѣтномъ заповѣдномъ лѣсѣ, объ этомъ перлѣ

имеретинской короны. Вспомнилась его странная передача при Ермоловѣ французу кавалеру Гамбѣ, вспомнились и нѣкоторые печальные эпизоды изъ новой исторіи этого лѣса, разсказанные Евгеніемъ Марковымъ въ его книгѣ „Очерки Кавказа“. Невеселаго содержанія эти разоблаченія, приподнимающія уголокъ завѣсы съ этого темнаго міра, богатаго разнообразными курьезами, въ родѣ сухаго пруда и висячаго моста въ Кутаисѣ, и изобилующаго всевозможными хищеніями, начиная отъ обездоленія крестьянъ и кончая обсчитываніемъ казны и даже расхищеніемъ церковныхъ древностей.

Богата и обильна эта прелестная родина Медеи, но еще богаче списокъ тѣхъ невѣроятныхъ злоупотребленій, которымъ она подвергалась, начиная со временъ коварнаго Язона и до позднѣйшаго времени, когда за безцѣнокъ расхищались цѣлые пальмовые лѣса и богатѣйшіе рудники. Въ этомъ отношеніи Колхида можетъ быть приравнена развѣ къ противоположной оконечности черноморско-средиземнаго бассейна — къ богатой природными дарами и бѣдной культурою Испаніи. Кто знаетъ, можетъ быть тутъ сказывается намъ невѣдо-

мый законъ міровой гармоніи или законъ „соразмѣряющей справедливости“ Аристотеля? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ южанину-бездѣльнику дать все, — и прекрасное небо, и природныя богатства, и высшую культуру, — вышло бы ужъ черезъ-чуръ хорошо и пожалуй вызвало бы справедливое неудовольствіе другихъ странъ, обдѣленныхъ природою. Вотъ для уравненія земныхъ благъ и была счастливая Испанія всегда плохо управляема.

Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ одна испанская легенда, которую можно примѣнить къ Колхидѣ и которою позвольте закончить мнѣ свой очеркъ. Вотъ эта легенда.

Когда испанскій король Фердинандъ Святой отошелъ отъ сего міра, то у вратъ рая завоевателя Кадикса и Севильи встрѣтилъ патронъ Испаніи Сантъ-Яго. Между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Чего ты просишь для своей родины? — спрашиваетъ Сантъ-Яго.

— Дай ей хорошій климатъ, — говоритъ Фердинандъ.

— Согласенъ.

— Неистощимое плодородіе.

— Согласенъ.

— Даруй сынамъ Испаніи умъ и мужество, а женщинамъ ея красоту.

— Согласенъ, согласенъ.

— Но это не все, — продолжалъ король:— я бы желалъ, чтобы родина моя пользовалась и хорошимъ управленіемъ.

— Ну, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—воскликнулъ С.-Яго:—если бы въ Испаніи установилось хорошее управленіе, то всѣ ангелы поселились бы въ ней и опустѣло бы небо.

Приложенія.

I.

Боржомъ.

Топографія. Боржомское имѣніе находится въ Горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ., и лежитъ между 41° 37½ и 41° 54′ сѣверной широты и 60° 52′ и 61° 22½′ восточной долготы. Оно составляетъ часть обширныхъ лѣсовъ, покрывающихъ Тріалетскій хребетъ, а также южные и юго-восточные склоны Грузинско-Имеретинскаго и Ахалцихо - Имеретинскаго хребтовъ. Занимаетъ оно 69,881 десят., въ томъ числѣ подъ лѣснымъ пространствомъ 50,008 десят. Преобладаютъ глинистыя почвы (собственно глина, суглинокъ и т. д. *).

Климатъ. Продолжительныхъ и правильныхъ метеорологическихъ наблюденій въ Боржомѣ не производилось до послѣдняго времени. Имѣющіяся данныя показываютъ:

Средняя температура по Цельсію.

Зима	—	2,1
Весна	+	10,8
Лѣто	+	20,7
Осень	+	11,8
Средняя годовая	+	11,4

*) См. Статистическое описаніе Боржома.

Средняя высота барометра въ миллиметрахъ.

Зима	696,0
Весна	693,4
Лѣто	692,7
Осень	695,8
Средняя годовая	692,0

Благодаря расположенію въ котловинѣ, Боржомъ защищенъ зимою отъ холодныхъ вѣтровъ. Преобладающіе же лѣтомъ умѣренные сѣверо-восточные вѣтры смягчаютъ лѣтній зной.— Климатъ Боржома причисляется къ „горному".

Минеральныя воды. Боржомскія воды добываются изъ двухъ соляно-щелочныхъ источниковъ: Екатерининскаго и Евгеніевскаго и углекисло-желѣзисто-щелочнаго источника Цагверы. Всѣ они принимаются во внутрь, а первыя двѣ идутъ и на ванны. Боржомскія воды ближе всего подходятъ къ Vichy и крейцнахскимъ водамъ. Цагверскія похожи на Бральталь и Элепатокъ. Боржомскія воды оказываютъ прекрасное дѣйствіе на больныхъ, одержимыхъ золотухою, артритомъ, хроническими катаррами (какъ-то: дыхательнаго снаряда, мочеваго пузыря, желудка, желчныхъ путей и пр.), Брайтовою болѣзнью, заболѣваніемъ печени и селезенки, діабетисомъ и на страдающихъ неразрѣшившимися эксудатами легочной плевры. Дѣйствіе ихъ приписывается обильному содержанію двууглекислаго натра (43,22 части въ 10,000 частяхъ).

Цагверская вода рекомендуется малокровнымъ и страдающимъ отъ послѣдствій малокровія напр. нервными разстройствами, неправильностію менструацій, атоніею желудка и кишекъ вслѣдствіе хлороза и т. п. *).

---

*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ статьи г. Шмидтъ, напечатанной въ Медицинскомъ Сборникѣ, издаваемомъ Кавказскимъ Медицинскимъ Обществомъ, № 35.

Химическій анализъ Струве.

1 фунтъ воды содержитъ:	Боржомскіе соляно-щелоч. источники. Евгеніевск.	Боржомскіе соляно-щелоч. источники. Екатериней.	Цагверск. угле-кисло-желѣзисто-щелоч. источник.
Углекислаго натра.	23.93	23.45	3.713
Углекислой извести	2.75	2.81	6.572
Углекислой магнезіи	1.23	0.95	4.998
Углекислой закиси желѣза . .	0.06	0.05	0.623
Углекислой закиси морганца. .	0	0	слѣды
Углекислаго тронціала	0.09	0.11	0
Сѣрно-кислой извести	0	0	0.664
Хлористаго калія	0.33	0.05	0
Хлористаго натрія.	4.56	4.85	3.304
Кремнезема.	0.11	0.27	0.134
Свободной углекислоты. . . .	19.261	17.687	23.509
Всего. . .	53.223	49.509	43.590
Свободной углекислоты въ кубич. сантиметрахъ на 10.000 частей.	4.900	4.560	—
Температура воды по Р.	+18.2	+23.8	+7.7
Удѣльный вѣсъ воды при + 12 Р.	1.0049	1.0048	1.0038

О Боржомскихъ водахъ д-ръ Штакманъ сдѣлалъ въ 1887 г. въ Кавказскомъ Медицинскомъ обществѣ сообщеніе. Вотъ сущность его, переданная газетою „Новое Обозрѣніе“:

Температура Екатерининскаго источника, при изслѣдованіи, произведенномъ г. Штакманомъ въ 1886 г. 14-го сентября равнялась 30,0° Ц. и 15-го сентября—30,2° Ц.; Евгеніевскій источникъ при измѣреніи 14-го сентября имѣлъ 22,6° Ц. и 15 числа — 22,4° Ц. Сравнивая эти

цифры съ данными, полученными при изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ раньше, можно сказать, что первый источникъ имѣетъ постоянную температуру, а второй нѣтъ, хотя и въ самой ничтожной разницѣ. Количество составныхъ частей этихъ двухъ источниковъ имѣетъ между собою большое сходство; потому ихъ слѣдуетъ принимать за тождественные, отличающіеся другъ отъ друга только количествомъ воды и температурою. Разницу эту можно объяснить предположеніемъ, что первый источникъ, т. е. Екатерининскій, выходитъ изъ большей глубины нѣдръ земли и идетъ по главной вѣтви, отдѣляя отъ себя на пути второстепенную вѣтвь, ближе къ поверхности земли, которая, восходя самостоятельно, образуетъ, такимъ образомъ, источникъ второй, въ которомъ температура ниже и количество воды меньше. Это количество въ обоихъ источникахъ было измѣряемо въ теченіе 3 дней, по 3 раза въ день, а именно: 3, 4 и 15 сентября, въ первые два дня при совершенно ясномъ небѣ, а 15 числа при сильномъ дождѣ. Въ Екатерининскомъ источникѣ посуда въ 16 литровъ наполнялась въ теченіи 26 секундъ, слѣдовательно, въ часъ этотъ источникъ даетъ воды 3 ведра, а въ сутки 4,320. Евгеніевскій источникъ при такихъ-же измѣреніяхъ далъ 16 литровъ въ 2 м. 40 сек., или, слѣдовательно, въ сутки можетъ дать 701,28 ведра. Общее количество составныхъ частей въ обоихъ источникахъ соотвѣтствуетъ принятой нормѣ для щелочно-углекислыхъ водъ. Для такихъ водъ принято колебаніе общаго остатка между 0, 5 и 5, 0, который въ первомъ источникѣ былъ найденъ равнымъ 4,1554, а во второмъ — 4,2719. Изъ составныхъ частей, г. Штакманъ прежде всего обращаетъ вниманіе на щелочи, которыя,

по его мнѣнію, главнымъ образомъ и придаютъ значеніе источникамъ. Такъ въ первомъ источникѣ г. Штакманъ нашелъ 2,1016 окиси натра, а во второмъ 2,1299. Количество калія было найдено въ первомъ источникѣ 0,042, а во второмъ 0,0797. Найденное количество натра въ обоихъ источникахъ находится преимущественно въ видѣ углекислаго натра, а именно: въ источникѣ первомъ оно равно 3,0126, во второмъ—3, 1305, и только $^1/_5$ и $^1/_6$ часть найденнаго натра представляется въ видѣ поваренной соли, которая въ первомъ источникѣ равна 0, 6411 и во второмъ—0,5540. Находящаяся въ этихъ источникахъ углекислота занимаетъ первое мѣсто послѣ натра; она была опредѣлена въ трехъ формахъ — въ видѣ связанной, полусвязанной и свободной кислоты. Связанной углекислоты въ первомъ источникѣ содержалось 1, 4327 и во второмъ 1, 4991, полусвязанной 1, 4327 и 1, 4991 и, наконецъ, въ свободномъ видѣ 0, 6891 и 0, 7971, въ общемъ-же углекислоты найдено въ первомъ источникѣ 3,5545 и во второмъ 3.7753. Хлора въ первомъ источникѣ было найдено 0,4225 и во второмъ 0,4024, іода въ первомъ 0,0001 и во второмъ 0.003, брома въ первомъ 0,003 и во второмъ 0,006, углекислаго кальція—0,3014 и 0,2551, углекислой магнезіи—0,082 и 0,1533, углекислаго стронція—0,0126 и 0,0115. Что касается содержанія желѣза, то его опредѣлено въ первомъ источникѣ 0,0047, а во второмъ 0,0061. При сравненіи боржомскія минеральныя воды имѣютъ большое сходство съ водами Виши, и именно съ водою источника Гранъ-Грилль, вслѣдствіе совпаденія главныхъ составныхъ частей. По содержанію желѣза и по температурѣ воды, Евгеніевскій источникъ можетъ быть сравниваемъ и съ Барятинскимъ, на-

ходящимся въ желѣзноводской группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Далѣе г. Штакманъ, сдѣлавъ весьма подробное сообщеніе относительно находящейся въ источникахъ углекислоты и проч., перешелъ къ описанію Цагверскаго источника. Источникъ этотъ лежитъ въ горномъ ущельи, идущемъ по направленію съ сѣвера на югъ, около деревни того-же названія, расположенной въ 15 верстахъ отъ Боржома. Вода источника заключена въ каменномъ бассейнѣ, длина котораго 18, ширина $13^3/_4$ и глубина $14^1/_2$ вершковъ. Вода совершенно прозрачна и имѣетъ сильно желѣзный вкусъ; время отъ времени она выдѣляетъ газовыя пузырьки. Температура источника, опредѣленная 14-го сентября 1886 г., равнялась $9,5^0$ Ц. Такую низкую температуру этого источника можно объяснить его происхожденіемъ, а именно, что онъ имѣетъ свое начало не изъ глубины земли, а съ высотъ, окружающихъ ущелье. При измѣреніи суточнаго количества воды было получено, что 11 литровая посуда наполнялась въ теченіе 10 минутъ, слѣдовательно, въ сутки источникъ даетъ 128,7 ведра. Изъ составныхъ частей прежде всего обращаетъ на себя вниманіе желѣзо котораго въ углекислой закиси желѣза находится здѣсь 0,07 въ литрѣ воды. Послѣ желѣза большое значеніе источнику придаютъ находящіяся въ немъ соли щелочныхъ земель: кальція и магнія. Количество углекислаго кальція 1,1733, сѣрнокислаго кальція 0,0479, углекислаго магнія 0,7249. Отсюда можно видѣть, что въ этомъ источникѣ большое количество занимаютъ земли, а не щелочи, между тѣмъ какъ въ боржомскихъ источникахъ на оборотъ. Углекислаго натра найдено 0,7206, хлористаго натра 0,4918, весьма мало іоди-

стаго натра—0,004, столько-же, сколько въ Екатерининскомъ источникѣ. Свободной углекислоты — 0,7215, а связанной и полусвязанной 2,4430; всего углекислоты 3,1645. Соединяя всѣ полученные результаты, надо признать, что этотъ источникъ долженъ причисляться къ категоріи желѣзно-известковыхъ водъ, гдѣ онъ занимаетъ очень видное мѣсто. Сравнивая эту воду съ другими, принадлежащими къ этой-же категоріи, видимъ, что она самое большое сходство имѣетъ съ водою Венцельскаго источника въ Рипполдсау, какъ по равенству общаго остатка 3,2125, такъ и по содержанію углекислаго желѣза 0,080 въ литрѣ воды.

Анализъ д-ра Штакмана *).

Таблица I.

Составныя части въ одномъ литрѣ воды.	Екатериненск. № 1	Евгеніевскій № 2.	Цагверскій.
	источники.		
Окиси натра Na_2O	2,1016	2,1299	0,6821
„ калія K_2O	0,0442	0,0797	—
„ стронція SrO	0,0089	0,0081	—
„ кальція CaO	0,1688	0,1429	0,6768
„ магнія MgO	0,0391	0,0730	0,3452
Закиси желѣза FeO	0,0047	0,0061	0,0435
„ марганца MnO	—	—	слѣды
Хлора Cl	0,4225	0,4024	0,2985
Іода I	0,0004	0,0003	0,0003
Брома Br	0.0003	слѣды	слѣды
Борной кислоты B_2O_3	слѣды	слѣды	слѣды
Углекислоты связанной CO_2	1,4327	1,4991	1,2215
Сѣрной кислоты SO_3	-	—	0.0282
Кремнезема SiO_2	0,0268	0,0196	0,0532
Органическихъ веществъ	0,0005	0,0009	0,0008
Итого	4,1554	4,3626	3,3501
За вычетомъ $O=Cl$	0,2505	0,0907	0,0672
Всего	4,1554	4,2719	3,2829
Углекислоты полусвязанной H_2CO_3	2.0188	2,1121	1.7210
Углекислоты свободной CO_2	0,6891	0,7971	0,7215

*) См, Сбор. Импер. Кавк. Мед, Общ, 1887 № 45,

Таблица II.

Составныя части въ видѣ соединенiй.	Екатерин. источ. № 1. Въ од-номъ литрѣ воды.	Екатерин. источ. № 1. Въ одномъ торг. фун. =6582 гр. воды.	Евгенiев. источ. № 2. Въ од-номъ литрѣ воды.	Евгенiев. источ. № 2. Въ одномъ торг. фун =6582 гр. воды.	Цагверск. источ. № 3. Въ од-номъ литрѣ воды.	Цагверск. источ. № 3. Въ одномъ торг. фун. =6582 гр. воды.
Углекислаго натра N_2CO_3	3,0126	19,828	3,1305	20,604	0,7206	4,742
„ желѣза $FeCO_3$	0,0075	0,049	0,0098	0,064	0,0700	0,460
„ марганца $MnCO_3$	—	—	—	—	слѣды	слѣды
„ стронцiя $SrCO_3$	0,0126	0.082	0,0115	0,075	—	—
„ кальцiя $CaCO_3$	0,3014	1,983	0,2551	1,379	1,1733	7,722
„ магнiя $MgCO_3$	0,0821	0,540	0,1533	1,009	0,7249	4,771
Сѣрнокислаго кальцiя $CaSO_4$	—	—	—	—	0,0479	0,315
Борнокислаго магнiя $Mg_3 (BO_3)^2$	слѣды	слѣды	слѣды	слѣды	слѣды	слѣды
Хлористаго натра $NaCl$	0,6411	4,219	0,5640	3,712	0,4918	3,237
„ калiя KCl	0,0701	0,461	0,1262	0,830	—	—
Iодистаго натра NaI	0,0004	0,002	0,0003	0,001	0,0004	0,002
Бромистаго натра $NaBr$	0,0003	0,001	0,0007	0,004	слѣды	слѣды
Кремнезема SiO_2	0,0268	0,176	0,0196	0,129	0,0532	0,350
Органическихъ веществъ	0,0005	0,003	0,0009	0,005	0,0008	0,005
Итого	4,1554	27,344	4,2719	27,812	3,2829	21,604
Углекислоты полусвязан. N_2CO_3	2,0188	13,287	2,1121	13,901	1,7210	11,327
„ свободной CO_2	0,6891	4,535	0,7971	5,246	0,7215	4,748
Температура воды	30,2° Ц.		22,6° Ц.		9,5° Ц.	

Таблица III.

Углекислыя соединенія въ видѣ двууглекислыхъ.	Екатерин. источ. № 1.		Евгеніев. источ. № 2.		Цагверск. источ. № 3.	
	Въ одномъ литрѣ воды.	Въ одномъ торг. фун. =6582 гр. воды	Въ одномъ литрѣ воды.	Въ одномъ торг. фун. =6582 гр. воды	Въ одномъ литрѣ воды.	Въ одномъ торг. фун. =6582 гр. воды.
Двууглекисл. натра $Na_2H_2(CO_3)^2$	4,7746	31,426	4,9614	32,654	1,1420	7,516
„ желѣза $FeH_2(CO_3)^2$	0,0114	0,075	0,0150	0,098	0,1073	0,706
„ марганца $MnH_2(CO_3)^2$	—	—	—	—	слѣды	слѣды
„ стронція $SrH_2(CO_3)^2$	0,0179	0,117	0,0163	0,107	—	—
„ кальція $CaH_2(CO_3)^2$	0,4882	3,213	0,4132	2,719	1,9006	12,509
„ магнія $MgH_2(CO_3)^2$	0,1426	0,938	0,2664	1,753	1,2599	8,292
Сѣрнокислаго кальція $CaSO_4$	—	—	—	—	0,0479	0,315
Борнокислаго магнія $Mg_3(BO_3)^2$	слѣды	слѣды	слѣды	слѣды	слѣды	слѣды
Хлористаго натра $NaCl$	0,6411	4,219	0,5640	3,712	0,4918	3,237
„ кал. KCl	0,0701	0,461	0,1262	0,830	—	—
Іодистаго натра NaI	0,0004	0,002	0,0003	0,001	0,0004	0,002
Бромистаго натра $NaBr$	0,0003	0,001	0,0007	0,004	слѣды	слѣды
Кремнезема SiO_2	0,0268	0,176	0,0196	0,129	0,0532	0,350
Органическихъ веществъ	0,0005	0,003	0,0009	0,005	0,0008	0,005
Итого	6,1739	40,631	6,3840	42,012	5,0039	32,932
Углекислоты свободной CO_2	0,6891	4,535	0,7971	5,246	0,7215	4,748
Температура воды	30,2° Ц.		22,6° Ц.		9,5° Ц.	

II.

Абасъ-Туманъ.

Приводимъ ихъ брошюру д-ровъ Штальберга и Гопадзе *) нѣкоторыя данныя о климатѣ Абасъ-Тумана и химическомъ составѣ абасъ-туманскихъ водъ.

Изъ двухлѣтнихъ наблюденій доктора Скорова видно, что май и начало іюня по большей части дождливы, въ іюльскіе даже дни воздухъ по его наблюденіямъ не согрѣвается свыше 24° R. Вечера, ночи и утра живительно прохладны и обыкновенно не ниже 14° R.

Въ общемъ выводѣ по Скорову, состояніе погоды по мѣсяцамъ было слѣдующее:

		Іюнь	Іюль	Авг.
Въ 1864 г.	1) Совершенно ясныхъ дней	9	10	20
	2) Полуясныхъ	4	16	
	3) Совершенно дождливыхъ	17	5	4
	4) Грозъ	8	2	
	5) Градобитій	5	2	—

---

*) Абасъ-Туманскія минеральныя воды Тифлисъ 1882.

		Іюнь	Іюль	Авг.
Въ 1865 г.	1) Совершенно ясныхъ дней.	13	16	20
	2) Полуясныхъ.	4	4	8
	3) Совершенно дождливыхъ	13	11	3
	4) Грозъ	8	6	3
	5) Градобитій	3	2	2

Термометрическія наблюденія, собранныя Скоровымъ въ 2 сезона 1864—1865 годовъ:

		Іюнь	Іюль	Авг.
7 ч. утра.	a) низшая температура .	9	10	10
	b) высшая	15	17	16
	c) средняя	12	13,5	13
1 часъ по полудни.	a) низшая температура .	8	11	9
	b) высшая	18	21	16,5
	c) средняя во все лѣто .	18,5		
Въ 7 час. вечера.	a) низшая температура .	8	11	9
	b) высшая.	15	17	17
	c) средняя	11,5	14	13
	d) средняя во все лѣто .	12,8		
	Средняя суточная темпер.	13	15,5	14

Средняя температура лѣта по Скорову 14,5° R. Дней жаркихъ, въ которые высшая температура въ часъ по полудни, (27° R.) въ 1864 году вовсе не было, въ лѣто-же 1865 года было 2 дня; обыкновенно-же термометръ не подымался выше 23—24° R.

За лѣто 1881 года были, дѣлаемы въ высшей степени точныя метеорологическія наблюденія горнымъ инженеромъ Фонъ-Кошкулемъ, давшія слѣдующіе выводы.

Среднее давленіе барометра при 0° Цельсія въ миллиметрахъ въ іюнѣ 653, въ іюлѣ 652, въ августѣ 654 и

въ сентябрѣ 653. Мѣсячное колебаніе барометра равнялось въ іюнѣ 6 миллиметрамъ, въ іюлѣ 8 мм., въ августѣ тоже 8 мм. и въ сентябрѣ до 9 мм. Дневное колебаніе барометра достигало въ іюнѣ до 4-хъ мм., въ іюлѣ по большей части отъ 2-хъ до 4-хъ мм. и въ одинъ только день до 7 мм., въ августѣ 4 мм. и въ сентябрѣ 3 мм.

Средняя температура по сухому термометру Цельсія.

	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.
Утренняя въ 8 часовъ .	17,72	16,44	15,70	12,45
Въ 1 часъ пополудни .	22,70	22,11	24,41	19,70
Вечерняя въ 9 часовъ .	17,01	15,55	16,77	10,50
Наибол. колеб. въ 1 д.	12	11,0	14,0	16,0
Наивысшая температ. .	27,5	28,5	30,0 один. день	26,75
Влажность воздуха:				
Средняя абсол. въ мм..	9,95	10,75	9,72	7,04
Средняя относит. въ%.	62,20	71,6	61,9	61,21

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ мы видимъ, что колебанія воздушнаго давленія и температуры весьма ничтожны, что большихъ жаровъ въ Абасъ-Туманѣ вовсе не бываетъ, не смотря на то, что на этой широтѣ въ болѣе низменныхъ мѣстахъ температура бываетъ весьма часто невыносима. Только въ одинъ день за все лѣто, въ августѣ. температура достигаетъ 24° R. По большей части вечера бываютъ слегка прохладны, однако безъ сырости. Наблюденій надъ силою вѣтровъ не было сдѣлано за неимѣніемъ аппаратовъ. Однако опытъ указываетъ на ту особенность Абасъ-Тумана, что въ немъ, кромѣ слабыхъ теченій воздуха, нѣтъ почти нѣсколько рѣзкихъ вѣтровъ. Въ этомъ отношеніи замѣчается влія-

ніе близости моря, такъ какъ, благодаря ей, въ Абасъ-Туманѣ наблюдается каждое утро теченіе воздуха къ сѣверо-западу и въ каждый полдень обратное теченіе, т. е. къ юго-востоку. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отсутствіе вѣтровъ зависитъ отъ счастливаго положенія Абасъ-Тумана въ горахъ, въ особенности въ этомъ отношеніи благодѣтельно дѣйствуетъ Зекарскій перевалъ, крутой подъемъ къ которому начинается на 6-й верстѣ къ сѣверу отъ Абасъ-Тумана. Этотъ перевалъ, образуя своими высотами преграду сѣвера въ 8000 и болѣе футовъ, отражаетъ сѣверные вѣтра, по этому въ Абасъ-Туманѣ жители никогда не чувствуютъ невзгодъ отъ этого вѣтра. Что сдѣсь сказано о вѣтрахъ, должно также относиться къ зимѣ, потому что мѣстные жители указываютъ на то, что часто зимою и осенью видно, какъ вѣтеръ бушуетъ въ горахъ, ломая тамъ деревья, между тѣмъ, какъ въ самомъ Абасъ-Туманѣ имѣется или слабый вѣтерокъ или вовсе тихо.

Анализъ воды Богатырскаго источника, произведенный магистромъ Оттеномъ (1880 г.), далъ слѣдующіе результаты, а именно на 10000 частей она содержитъ.

Хлористаго натрія	2,2341
Кремне-натріевой соли	0,1918
Сѣрнокислаго натра	1,0935
Углекислаго натра	0,0530
Сѣрнокислой извести	1,0560
Сѣрнокислаго натра	0,0125
Сѣрнокислаго желѣза	0,0016
Хлористаго калія	0,0332
Іодистаго натрія	0,0015
Сѣрно-магніевой соли	слѣды

Фосфорно-известковой соли	слѣды
Бромистаго натрія	слѣды
Борно-натріевой соли	слѣды
Кремнезема	0,4557
Органическаго вещества	0,4800
Всего	5,6132

Магистръ Оттенъ нашелъ воду прозрачною, имѣющею щелочную реакцію, слабый сѣрнистый вкусъ и издающею легкій запахъ сѣроводорода. Въ водѣ не оказалось присутствія: барія, итронція, марганца, литія, рубидія и цезія. Количество газовъ Оттенъ не опредѣлилъ. По изслѣдованію химика, магистра Струве въ лѣто 1881 г., газы, содержащіеся въ водѣ, по преимуществу состоятъ изъ азота, затѣмъ изъ небольшаго количества углекислоты и сѣроводорода.

По анализамъ Абеля и Скорова (1865 г.) на 10000 частей Богатырской воды оказалось солей 4,524 ч., сѣроводорода 0,057 или 37,22 куб. сант. и углекислоты 1,140 или 56,36 куб. сант. при нормальномъ давленіи воздуха въ 760 mm. и 0° R.

По анализамъ этихъ-же авторовъ въ Змѣиномъ источникѣ на 10000 ч. воды солей менѣе, чѣмъ въ Богатырской водѣ на одну часть; сѣроводорода содержится въ ней 0,052 или 33,96 куб. сант. и углекислоты 1,101 или 55,93 куб. сант. Температура Змѣиной воды 36,5° R. Тоже самое почти оказывается въ водѣ Золотушнаго источника, имѣющей температуру около 33° R.

Сравнивая Абасъ-Туманскія воды съ иностранными, мы убѣждаемся, что онѣ по своему составу близко подходятъ къ Пиренейскимъ сѣрнымъ водамъ Eaux bonnes.

Магистръ Струве приравниваетъ Абаст.-Туманскія воды къ водамъ Aix въ Савои и Cauterets въ Пиренеяхъ.

Вотъ анализъ Eaux bonnes (Filhol 1859); на 1000 частей:

Сѣрнистаго натрія	0,0210
Хлористаго натрія	0,2640
Сѣрнокислаго натра	слѣды
Кремнекислаго натра	0,0310
Углекислаго кали	—
Сѣрнокислой извести	0,1750
— кали	слѣды
Борнокислаго натра	слѣды
Сѣрнистаго кальція	слѣды
Углекислой магнезіи	слѣды
— закиси желѣза	слѣды
Кремневой кислоты	0,0320
Органическаго вещества	0,0480
Іода	слѣды
Свободныхъ газовъ не оказалось	
Сумма	0,5710, а

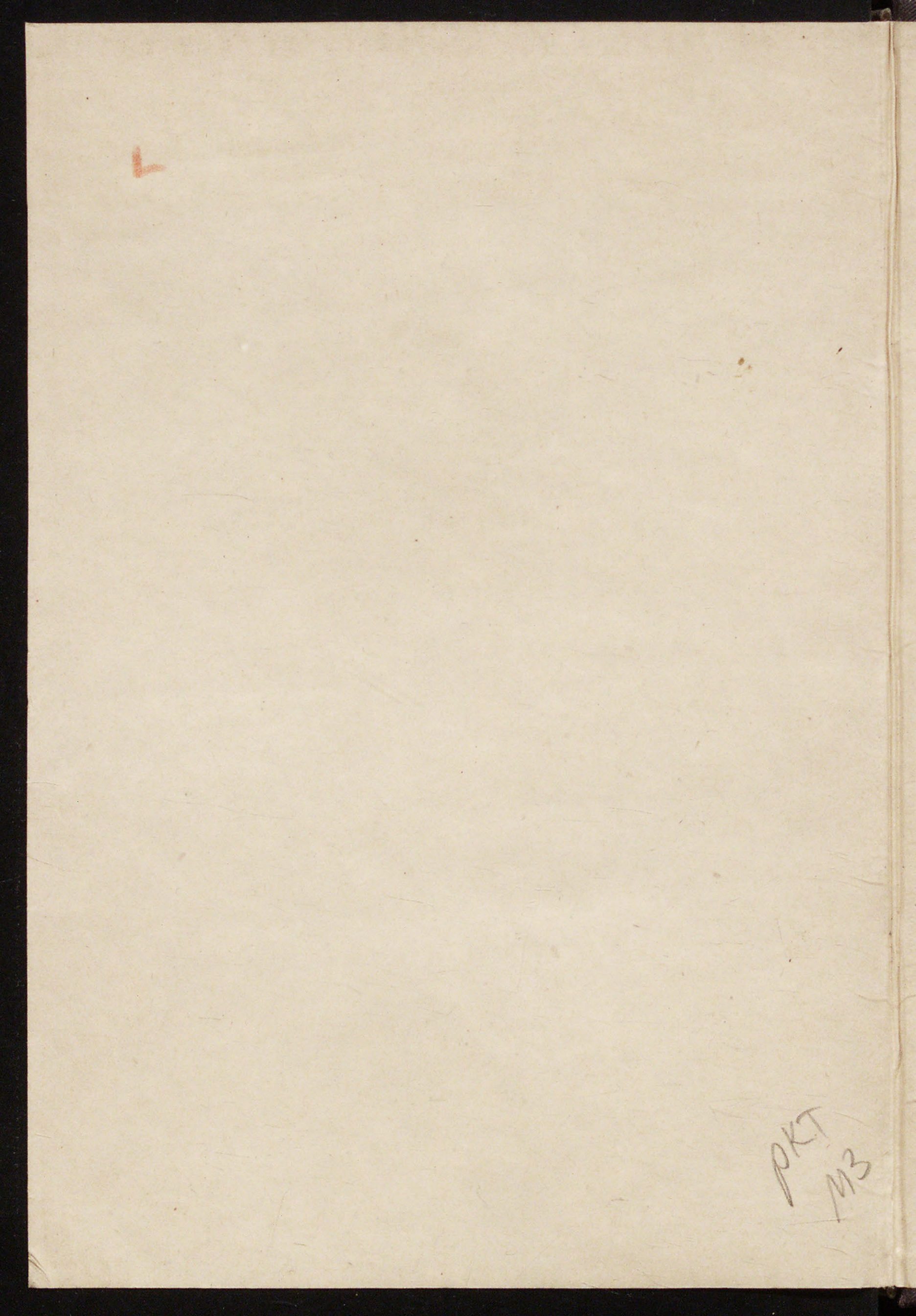
на 10000 частей сумма твердыхъ составныхъ частей = 5,7100. Анализъ водъ Cauterets по Longchamps на 16 унцовъ воды:

Сѣрнистаго натрія	0,145 грана
Сѣрнокислаго натра	0,337 —
Хлористаго натрія	0,376 —
Кремнезема	0,467 —
Известковой земли	0,037 —
Магнезіи	0,037 —
Ѣдкаго натра	0,023 —
Сумма	1,422 грана

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1233

2015137740

PKT
M3

